

© 1998 г. К.Г. КРАСУХИН

АКЦЕНТОЛОГИЯ В ПРЕДЫСТОРИИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ*

*Светлой памяти моего учителя,
замечательного лингвиста
Олеги Сергеевича Широкова*

0. В течение 10 лет автор этих строк развивал гипотезу о наличии в общиндо-европейском языковом состоянии особой категории, существовавшей на стыке акцентуации, морфологии и синтаксиса – аблаутно-акцентной парадигмы (ААП) [Красухин 1989; 1990; 1996; Krasuchin 1996; 1997; 1998]. В рамках этой парадигмы противопоставлялись конечноударные (окситонные) и неконечноударные (баритонные) словоформы. Последний гласный словоформы проявлялся под ударением и редуцировался в безударном положении. В грамматической форме он играл роль либо элемента флексии, либо (при переразложении основы) тематического гласного. Соответственно корневой гласный был полнозвучным под ударением, без ударения же он редуцировался и синкопировался там, где синкопу допускало фонетическое окружение (например, перед сонорным). Баритонные формы являлись независимыми членами предложения, окситонные – зависимыми. В рамках глагольного словоизменения первые обозначали активное действие, направленное вовне агента, вторые – внутреннее состояние субъекта (претерпевание или потенцию), внешний процесс или действие, направленное на субъект высказывания. Также модальные (т.е. выражающие зависимость от ситуации и волеизъявления) глагольные формы восходят, по-видимому, к окситонным прототипам: об этом свидетельствует суффикс конъюнктива, идентичный тематическому гласному. В системе имён баритонные формы обозначали номинатив (падеж субъекта), аккузатив (падеж предела), локатив (падеж местонахождения), окситонные – генитив (падеж принадлежности) и датив (падеж заинтересованного лица). При этом аблаутно-акцентные отношения были достаточно просты: ударным и полногласным оказывался либо последний гласный основы, за которым следует непосредственно флексия, либо последний гласный основы (корня или суффикса), что видно из прилагаемой таблицы.

I. Имя		II. Глагол	
1a) *diéu-s	1b) *diuó-s	1a) *dhéugh-t(i)	1b) *dhughé-i
2a) *diéu-m	2b) *diuó-m	2a) *kl-néu-t(i)	2b) *kl-nu-tó(i)
		*véid-t(i)	*vid-tó(i)
3a) *diéu-i	3b) *diué-i	3a) *k ^u ér-t	3b) *k ^u er-e-t < *k ^u er-ét

I 1a) номинатив vs. I 1b) – генитив; I 2a) аккузатив vs. I 2b) генитив (по-видимому, изначально объективный), I 3a) локатив vs. I 3b) vs. датив. II 1a) актив vs. II 1b) нестандартный (бездентальный) меди; II 2a) актив (суффиксального и корневого глагола) vs. II 2b) стандартный (дентальный) меди; II 2a) индикатив vs. II 2b) конъюнктив.

* Материалы для этой статьи были в значительной мере собраны во время командировки в Гарвардский университет осенью 1995 г., осуществленной при поддержке фонда IREX. Я также чрезвычайно признателен проф. К. Уоткинсу, проф. Дж. Ясанову и проф. Г. Надю за содержательное обсуждение некоторых из рассматриваемых в данной публикации вопросов.

Нахождение общих грамматических способов и процессов в глаголе и имени может выглядеть парадоксально. Однако изучение отглагольных имён (инфинитивов, герундиев и супинов) показало, что категория ААП прослеживаются и в этой подсистеме [Красухин 1996]. В ведических инфинитивы с суффиксом *-i* (по происхождению локативы отглагольных имён) обозначают наличие и реализующееся действие, а с суффиксом *-e* (датовы) – потенциальное, предполагаемое и должное. Аналогично в хеттском реальное действие выражено инфинитивом с суффиксом *-uar* (атематическое отглагольное имя), которому противостоит так называемый герундий на *-uas* (тематизация простого суффикса *-u-*) со значением долженствования. В латыни суффикс *-re* (<*-si, локатив имени на *-s*) образует инфинитив активных глаголов, *-rī* (<*-se-i, датив имени на *-s*) – инфинитив медиопассивных и отложительный (т.е. стативных) глаголов. Иными словами, изначально баритонные и окситонные именные флексии образуют в глагольной парадигме именно те значения, которые предписываются правилами ААП, что, на наш взгляд, является серьезным доказательством ее реальности. Концепция ААП была подготовлена довольно большой исследовательской традицией. Морфологическая функция аблаута и акцента была впервые изучена Г. Хиртом [Hirt 1900]; связь окситонезы с адъективацией и формированием стативных глаголов была прослежена Е. Куриловичем [Kuryłowicz 1956; 1964], а также Ф. Бадер [Badcr 1976; Бадер 1989]; семантика тематизации исследована Т. Барроу [Barrou 1976]. Первый набросок этой теории (без соответствующего термина) см. в [Широков 1983].

1. Во всех приведенных примерах окситонеза осуществлялась благодаря передвижению акцента на ауслат словоформы или ее основы, т.е. либо на абсолютный конец слова, либо на последний гласный перед корнем. Но существует ряд явлений в именной и глагольной флексии, не полностью укладывающихся в эту простую схему. Они и составляют предмет данной работы.

1.1. В 1968 г. появилась обстоятельная статья И. Нартен, посвященная древнеиндийским глаголам, не допускающим окситонезу и/или редуцию корня, – так называемым протеродинамическим презенсам (позднее их стали называть также акростатическими или акродинамическими). Все они характеризуются тем, что "сильная" форма (актив единственного числа) у них имеет продленную ступень корневого вокализма, а "слабая" (медий и множественное число) – полную¹: *stāuti* "хвалить" – медий *stāve*; *āste* "сидеть" (medium tantum) – мн.ч. *āsate* (**ās-ŋte*); всего в статье И. Нартен упомянуто 9 "протеродинамических" корней. Работа эта получила большую популярность. Исследователи стали находить следы "протеродинамических" презенсов и в других языках. По мнению Н. Эттингера, в хеттском они реализуются как глаголы с аблаутом *ela*: *ekuzi* – *akuqanzi* "пить", *esari* – *assanzi* "сидеть" (родственно др.-инд. *āste*), *epzi* – *appanzi* "брать", *edmi* – *adanzi* "есть, поедать". Другие "акростатические" глаголы характеризуются аблаутом *ēle*, непосредственно воспроизводящим чередованием продленной и полной ступени: *uēkzi*, *uekkanzi* "желать" [Oettinger 1979]; эту пару, однако, можно считать репрезентацией ударного/безударного корневого гласного: **uēk-li*, – **uēk-ōnti*, так как ударение в хеттском закрытом слоге может передаваться долготой. Существуют работы, посвященные следам "акростатического" презенса в латыни, ср. *ēst* "он ест" – *edunt*. Некоторые ученые рассматривают подобный тип глагольной основы как самостоятельную грамму, образующуюся от стандартных основ. По мнению Г.Т. Рикова [Rikov 1986; 1987], этот тип презентной основы сочетался с флексиями так называемого дуративного спряжения, реконструированными В.И. Георгиевым: **-e*, **-eis*, **-ei* (непосредственно отражены в

¹ Множественное число атематического глагола характеризуется окситонностью: др.-инд. *hān-ti* "он убивает" – *ghn-ānti* "они убивают", хетт. *kuen-zi* – *kun-anti*. В атематических именах ударение в прямых падежах (номинативе и аккузативе) не меняется, но флексия приобретает полную ступень вокализма: др.-инд. *pāt* (<*-péd-s) "нога" – *pādah* "ноги", греч. ποῦς – πόδες, лат. *pes* – *pedes*. Эти передвижения акцента, по видимому, не связаны с ААП, они отражают какой-то иной грамматический процесс. В "протеродинамических" презенсах передвижение акцента не действует и в плуралисе.

греч. -ω, -εις, -ει, также лит. -ū, -i, -a) [Georgiev 1975]. В. Георгиев предположил, что глагол с такими флексиями мог иметь дуративное значение, возможно, близкое к англ. Present Continuous; по мнению Г. Рикова, это значение было выражено также характером основы (продленной ступенью корня, отсутствием редукции). Дж. Ясанов посвятил одну из своих статей реконструкции "нартеновского презенса" с *o* ступенью в единственном числе и *e* – во множественном, ср. хетт. *saggahhi* "я знаю", *sakti* "он знает" – *sekten* "знайте" [Jasanoff 1992]; в своем сообщении, прочитанном 17.XI.1995 на Семинаре по итальянским и индоевропейским языкам Гарвардского ун-та исследователь предположил, что латинский перфект на долгий гласный, возникший не как полная ступень дифтонга и не как результат редупликации, есть имперфект "нартеновского презенса" (ср. *sedo, sedeo* – *sēdi, venio* – *vēni, lego* – *lēgi*).

Решение вопроса о происхождении протеродинамического презенса требует внимательного исследования всех корней, в которых он образуется. К этому вопросу мы вернемся чуть позже, пока же отметим следующее. "Протеродинамические" глаголы отличаются от обычных атематических отсутствием редукции. Но системные отношения сильных и слабых форм в них таковы же, как в атематических; они выражаются пропорцией $\tilde{e} : \check{e} = \tilde{e} : 0$ (иначе *vṛddhi: guṇa = guṇa : 0* ступень). Древнеиндийские корневые глаголы могут быть описаны следующим образом: I. Атематические глаголы; а) "протеродинамический" презенс с неподвижным корневым ударением, апофонией *vṛddhi* vs. *guṇa*; б) обычные атематические презенсы и подвижным корневым ударением, апофонией *guṇa* vs. 0 ступень. II. Тематические глаголы с неподвижным корневым ударением, без апофонии, а) с ударным корнем (тип *bhárati*), б) с ударным тематическим гласным, гесп. 0 ступенью корневого вокализма (тип *tudáti*). К этой схеме могут быть сведены не только презенсы, но и иные временные системы. Так, сигматический аорист подобен "протеродинамическому" презенсу, атематический аорист и перфект – обычному атематическому презенсу, тематический аорист – соответственно тематическому презенсу. Оставляя пока в стороне вопрос о том, насколько эта система отражает общиндоевропейский глагол, отметим все же, что само сопоставление фактов наводит на мысль о том, что "протеродинамический" презенс мог возникнуть как результат аналогических процессов.

1.2. Значительно большей сложностью отличается акцентуация имени. Еще в 20-е гг. нашего века Х. Педерсен обратил внимание на то, что некоторые атематические имена, в частности, отразившиеся в V латинском склонении, лишены обычного аблаута [Pedersen 1926]. В 1942 г. Ф.Б.Й. Кёйпер исследовал индийские и индоевропейские *i*- и *u*-основы, значительная часть которых, особенно прилагательные и имена одушевленных существей склоняются совсем не так, как атематические основы на согласный: они образуют так называемый протеродинамический генитив, где ударение падает на гласный перед *i*, *u*. Кёйпер пришел к выводу о том, что их флексия отражает архаизм, несводимый к окончаниям атематических имен. [Kuiper 1942]. Ср. *agníh* – род. п. *agnéh* (<*agnáis), *sunúh* – *sunóh* (<*sundus), ср. лит. *sunùs* – *sunáus*, слав. *сынъ* – *сыноу*. Различные акцентные модели, начиная с 60-гг., имен стали предметом пристального исследования представителей так называемой Эрлангенской акцентологической школы. Среди ее представителей следует отметить в первую очередь Й. Шиндлера (1944–1994), основоположника этого направления, чья диссертация, защищенная в 1972 г., до сих пор не опубликована; также Х. Айхнера, давшего емкое и компактное изложение основных понятий этой школы, Г. Рикса, составившего историческую грамматику греческого языка на основе положений Эрлангенской школы [Rix 1976]; также А. Баммесбергера, Н. Эттингера, голландца Р.С.П. Бекеса, написавшего на тех же принципах историю индоевропейского склонения [Beekes 1985] и введение в индоевропеистику [Beekes 1995]. В нашей стране сторонником эрлангенской школы является Л.Г. Герценберг, объяснивший наблюдаемые феномены особенностями реконструированного им индоевропейского ударения [Герценберг 1981; 1988]. В первой публикации, посвященной нестандартным акцентным моделям, Шиндлер [Schindler

1967] рассматривает известную хеттскую формулу *nekuz mehur* как содержащую не обособленное имя ("ночь – время" [Иванов 1965; Watkins 1965]), а генитив. Иными словами, форма *nekuz* <**nekut-s* <**nek^ut-s* трактуется как синтаксически закономерный, но формально необычный генитив от номинатива **nok^ut-s*: лат. *nox*, др.-инд. *náktam*, лит. *naktis*, гот. *nahts* и т.д.² Иными словами, форма со ступенью *e* рассматривается как показатель "слабого" падежа. Такой вывод позволяет значительно пересмотреть соотношение различных ступеней вокализма. Так, греч. *πούς, ποῦς* обобщило основу номинатива (основа косвенного падежа – микен. (PY Ta 709) *pede-wesa* *πεδεφεσσα* <**πεδεφευτια* "снабженная ногами" – эпитет жертвенника³), лат. *pes, pedis* – основу косвенного падежа. На этом основании предлагается следующая модель склонения: у корней структуры (T)RT номинатив (T)oRT/(T)RoT vs. генитив (T)RT; при структуре (T)Y номинатив (T)oY, генитив (T)eY. Далее основы могут выравниваться по аналогии. Греч. *γλῶχες* "шипы", мн.ч. от незасвидетельствованного **γλῶξ* (<**g^uloəgh*) с полной ступенью закономерно соотносится с 0 ступенью в ион. *γλῶσσα* (<**g^uləgh-ia*); атт. *γλῶττα*, resp. форма койнэ *γλῶσσα* – результат выравнивания основ. К генитивам такого же типа Шиндлер относит и общеиндоевропейскую формулу, отразившуюся в греч. *δεσπότης*, др.-инд. *dāmpati*/вед. *patir dān*, авест. *dəng patoiš* <**déms pātis* "владелец дома, господин". Соответственно бесфлективный локатив характеризуется той же ступенью *e*: греч. *ἀιφέξ/αιφέν* "всегда" в сравнении с номинативом *αἰφών* "век". Подобный же локатив, хорошо известный в ведическом (*uddān* "в воде", *hēman* "зимой"), возможно, отражен и в др.-ирл. *bri* "на холме" (<**bhreg^h* или **bh^hg^h*). Шиндлер реконструирует склонение атематических имен с неподвижным ударением следующим образом:

Nom * <i>nok^ut-s</i> (лат. <i>nox</i>)	* <i>dom</i> (гомер. <i>δῶ</i>)
Gen. * <i>nek^ut-s</i> (хетт. <i>nekuz</i>)	* <i>dems</i> (греч. <i>δεσ-</i> , авест. <i>dəng</i>)
Acc. * <i>nok^ut-m</i> (лат. <i>noctem</i>)	* <i>dom (-m)</i>
Loc. * <i>nek^ut</i> (форма не засвидетельствована)	* <i>dem</i> (форма не засвидетельствована)

Генитив *nekuz* Шиндлер сопоставлял также с генитивами (встречающимися в тексте договора Маддуваттаса), как *Nunnus, Taruhsus*. Однако Фридрих [Фридрих 1952, 47] отмечает, что эти генитивы возникли как результат внутривхеттской редукции, и об особом "акростатическом" генитиве здесь речи быть не может.

Х. Айхнер в статье, посвященной этимологии хетт. *mehur* "время", предложил разбить корневые имсна на акростатические, мезостатические и телевстатические (с неподвижным ударением в начале, середине и конце слов), голокинетические (с подвижным ударением), парциально-кинетические, подразделяющиеся на: протерокинетические (с чередованием ударения на корне и суффиксе), гистерокинетические (ударные суффикс и окончание), амфикинетические (ударные корень и окончание) [Eichner 1973]. Сходную классификацию предложил Г. Рикс: акростатические имена он назвал акродинамическими, протерокинетические – протеродинамическими, голокинетические – амфидинамическими, гистерокинетические – гистеродинамическими⁴. В особую группу Рикс выделил "мезодинамический" тип с неподвижным ударением – т.е. тематические основы и основы на *-a-*.

² К. Уоткинс в настоящее время признал эту интерпретацию (устное сообщение), хотя в своей работе 1965 г. он рассматривал хетт. *nekuz* как аналог лат. *nox* в наречном значении.

³ Сам жертвенник обозначен именем *sowineja*, производным от *sowanō*; предполагается возможная связь с *ξόανον* "деревянное изделие".

⁴ Пример акродинамической формы – **déa-ter/!dēa-tyz* (греч. *δαῖτωρ*, др.-инд. *dātar/datūr*); протеродинамической – **suēadu/!suədəus* (греч. *ἑδύς/ἑδῆος*, др.-инд. *svādus/svadās*), гистеродинамической – **ur-én/!ur-n-és* (греч. *ἄρην/ἄρηνος*), амфидинамической – **uek-ent-luk-ut-és* (греч. *Ἔκων/Ἔκόντος*, др.-инд. род.п. *ucutās*).

Теорию для интерпретации всех этих феноменов предложили Л.Г. Герценберг и В. Хок. По мнению Л.Г. Герценберга [Герценберг 1981; 1989а], индоевропейская морфема могла характеризоваться высоким (притягивающим акцент) или низким (отталкивающим акцент) тоном. В зависимости от сочетания морфем формировался акцентный контур словоформы. Акростатический тип сформировался из сочетания высокого и низкого тона, протеродинамический – из сочетания двух высоких тонов, гистородинамический – низкого и высокого, амфикинетический (голокинетический) – двух низких тонов. При соотношении подобной схемы с обычным атематическим склонением естественно возникает вопрос: каким тоном обладали морфемы окончаний косвенных падежей? Если низким, то почему они притягивали к себе ударение с корня? Если высоким, то как могли возникнуть односложные акростатические формы типа **dém̄s*? Модель В. Хока [Hock 1993-1994] сложнее. Автор отмечает прежде всего тенденцию к окситонности в индоевропейской словоформе. Параметры акцентологии следующие: "сильные"/"слабые" морфемы, первые делятся на динамические, способствовавшие иммобилизации ударения, и нединамические, не приводившие к ней. Динамические морфемы подразделялись на преакцентные (удерживающие ударение после себя), постацентные (ударение перед ними) и акцентные. При сочетании двух "сильных" и двух "слабых" морфем ударение падало на последнюю; то же происходило при сочетании постацентной и преакцентной морфемы. В статье Хока сделана попытка вывести из этих тоновых характеристик все особенности акцентуации большинства грамматических форм, которые сведены в специальную таблицу. Эта работа солидно документирована, в ней нет стремления вместить индоевропейское ударение в прокрустово ложе одного-двух параметров.

Но при привлечении нового материала и концепция Хока не объясняет всех явлений. Обратившись к типу *bhárati/tudáti* в древнеиндийском глаголе, Хок полагает, что корень *bher-* является акцентным, *tud-* – преакцентным, а тематический гласный – постацентным. Но если бы это было так, то следовало бы ожидать, что корень **bher-* всегда был бы ударным и характеризовался полной ступенью вокализма, **tud-* – наоборот. Но нам хорошо известны примеры, противоречащие такому утверждению. Ср. греч. φάρμακον (<**bhr̥-*) "лекарство", δῖ-φορος "повозка"⁵. Корень же *tud* обнаруживает полную ступень в перфекте *tutóda*, пофонемно соответствующем лат. *tutūdi*. Акцентуация древнеиндийского перфекта заставляет предположить праформу **téud-e*. Ср. также корневое имя *todá* "погонщик; жало" с полной ступенью, несмотря на окситонность. Идентичные, но по-разному акцентированные морфемы Хок разделяет. По его мнению, суффиксы *nom̄inum agentis* *-ter* и *-tér* (др.-инд. *dāt̄ar/dāt̄ár*, греч. δῶτωρ/δοτήρ) – разные морфемы, так же, как суффикс *'-e/-o-*, трактуемый как показатель *nom̄inis actionis*, и *-é-* (суффикс *nom̄inis agentis* и *rei actae*). Безударные морфемы Хок именует постацентными, а их ударные варианты – доминантными. Такое описание по сути означает признание системы, близкой к тому, что мы называем ААП. Идентичные по фонемному составу морфемы формально различаются ударностью/безударностью, а содержательно – своей функцией. Считать же место ударения характеристикой словоформы в целом или отдельной морфемы – это при отсутствии экспериментально-фонетических данных скорее вопрос терминологии. Некоторые косвенные аргументы могут быть получены путем стандартной логической верификации. Представляется, что признание морфем **-ter/-tér*, **-e/-é-* разными языковыми единицами не отвечает известному требованию, именуемому "бритвой Оккама": сущности не должны умножаться без необходимости. Поэтому более

⁵ Следует отметить, что корни структуры TeR и TeT вообще редко принимали участие в апофонических чередованиях. Редукция гласного происходила обычно при наличии префикса или суффикса, когда в основе появляется дополнительный гласный. Ср. др.-инд. *pat*, род.п. *padāḥ*, редуцированная основа – *upá-bdā* (<**upo-pd-as*) "шум", греч. ἔ-σχοῖν "я овладел", л.м.н.ч. *σχοῖεν*. л.оптатива *σχοῖσθι*, инфинитив *σχεῖν* < *σχεῖ-εν*. Исключение из общего правила – императив *σχεε*, но у императива всегда есть тяготение к краткой форме. Таким образом, корень типа TT и TR может возникнуть по преимуществу в основе TeTeT(e). Это обстоятельство, по-видимому, и создало иллюзию корня с неподвижным ударением.

удобным представляется такое описание, которое бы признало их акцентологическими вариантами единой праформы с более широким значением. Вопрос же о полной реальности реконструкции относится не к науке, а к убеждениям ученого. Поэтому при решении дилеммы реконструкции предпочтительнее более компактное описание реконструированных данных.

Добавим также, что характер ряда морфем Хок определил неполно. Так, бесспорно акцентным он считает суффикс причастия и отглагольного прилагательного *-tó-. Действительно, оно во всех языках присоединяется к корню в 0 степени и ударно всюду, где сохранились следы древнего силового ударения. Но в греческом прилагательном на -tó- соответствуют существительные на '-то-: потós "пьяный" – потós "пьянство, попойка", куртós "изогнутый" – куртос "кривизна". Определение морфемы *pominis actionis* *-ti- как слабой также не объясняет окситонезы др.-инд. *bhṛtís, matś*, лит. *miniś* пофонемно соответствующего последнему.

Таким образом, даже такая тщательная работа не объясняет всех передвижений индоевропейского акцента с позиции тоновой теории. Попробуем взглянуть на проблему с иной точки зрения.

2. При обзоре группы "акростатических" презенсов бросается в глаза ее неоднородность. Основная черта, их характеризующая, – это отсутствие 0 степени корня в "слабых" формах. В зависимости же от репрезентации "сильных" форм их можно разделить на следующие группы. А. Формы, всюду сохраняющие полную ступень: 3 л. ед. ч. *çáye* – мн. ч. *çeré* "лежать", 3 л. ед. и мн. ч. *ohate* "наблюдать", 2 л. императива *çáksi*, 3 л. ед. ч. *çáste*, 3 л. мн. ч. имперфекта *çaksur*, также ср. тематический презенс *çaksati*; *vásṣte/vasate* "одеваться". Корни *çáye*, *vásṣte*, *ohate* суть *media tantum*; корень *çaks* в атематическом спряжении – также. В. Корни с продленной ступенью в "сильных" и "слабых" формах: *āste* – *āsate* "сидеть", *çāstī/çāsate* "учить, сообщать". С. Корни продленной ступенью в "сильных" и полной в "слабых" формах: *tāṣṭī/taṣṭati* "строить". D. Корни с остатками 0 степени в "слабых" формах: *stauti* – медий *stāve* – 3 л. мн. ч. *stuvānti* "хвалить". Следует заметить, что от того же корня образована несколько загадочная форма с инактивно-модальным значением *stuṣé*, которую можно считать инфинитивом; однако еще Б. Дельбрюк отмечал, что эта форма синтаксически близка к личному глаголу, т. к. служит обычным предикатом [Delbrück 1893: 325–7]. Сопоставление ее с медием *stavé* действительно говорит о функциональном сходстве: 1) *bhāsvati netrī sūnṣṭānām divā stave duhitā gótamebhiḥ* (I 92, 7) "Сияющая водительница благ, дочь неба Готамами восхваляется"; 2) *stuṣé sá vām varuṇa mitra rātīr* (I 122, 7) "(да будет) хвалим этот ваш дар, о Митра и Варуна!" Различие между этими высказываниями в том, что *stavé* обозначает реальное претерпевание, снабженное именем актора, тогда как *stuṣé* – претерпевание потенциальное, без указания на конкретный объект.

Таким образом, обзор формальных показателей свидетельствует о том, что группа протеродинамических презенсов неоднородна по своему составу. Следовательно, все эти презенсы не могут быть архаичными. На мой взгляд, формирование продленной ступени в "сильных" формах удачно объяснил С. Инслер [Insler 1968; 1972]. Он отметил, что в корне *dāç* наличествует ларингал; 0 степень корня присутствует в деизидеративе *dīkṣāti* "посвящать, освящать", который на синхронном уровне воспринимается как самостоятельный глагол [Whitney 1885]. От протеродинамического же презенса *çāstī* образован тематический аорист *áçisat* с закономерной 0 ступенью корневого вокализма. Корень же древнеиндийского презенса на синхронном уровне был устойчив в том смысле, что в нем была тенденция не менять качества гласного, а выравнивать его по аналогии. Ср. *dādḥāti/dādḥanti* (<*dheH/dhH), *dādāti/dādanti* (<*doH/dH), а также медий с редуцированным корнем *dhatté*, *datté* при исконной 0 степени в "слабых" формах корневого аориста *ádḥita*, *ádīta* и перфектном причастии *hitáh*. Иными словами, корни с ларингалом не образовывали в презенсе фонологически закономерной 0 степени. Поэтому их функционирование как протеродинамических презенсов может объясняться действием аналогии. Еще один важный вывод Инслера

состоит в том, что протеродинамические презенсы образуют апофонические ряды подобно сигматическим аористам, где ударение также неподвижно, "сильные" формы характеризуются продленной ступенью корневого вокализма, "слабые" – полной. Окончание 3 л.мн.ч. медиа *-ata* <**ṛta* вполне подобна протеродинамическому *ati* <**ṛti*, *-ate* <**ṛtoi*: *ástosata* "они были хвалимы", *ámamṣata* "они думали" и *tákṣati* "они устанавливают", *cáksate* "они видят". Сходство сигматических аористов и протеродинамических презенсов можно наблюдать и в конъюнктиве, характеризующемся полной ступенью корневого вокализма: аористы *jéṣat*, *párṣat*, *yákṣat* – протеродинамические презенсы *čāṣati*, *dāčati*, *tākṣati* – обычные атематические презенсы *dyat*, *dvéṣat*, *dóhat*. Как видим, корни на ларингальный характеризуются в конъюнктиве долгой гласной, являющейся закономерным проявлением полной ступени; у корня *taks* она закономерно исчезает, как и в тематическом варианте презенса *taksati* (который может иметь общее происхождение с конъюнктивом).

Долгая ступень вокализма в древнеиндийском сигматическом аористе была, на наш взгляд, исчерпывающе объяснена Е. Куриловичем [Kurylowicz 1956: 358–63; 1964: 163–5], согласно которому корень структуры *TeT-s(-T)* (*T* – любой шумный согласный, *-T* – согласный флексии) по фонетическим причинам не мог образовывать 0 ступени в слабых формах. Пропорция $T\bar{e}Ts : T\bar{e}Ts = TeRT : TRT$ при невозможности структуры **TTs* привела к образованию нового кластера $T\bar{e}Ts$. Таким же образом образовался презенс *tāṣti*; пропорция *tāṣti* (<*takṣ-ti*): *áṣrāk* (<*á-sraj-s-t*) = *tākṣati* (<*taks-ṛti*): *avākṣata* (<*a-vah-s-ṛta*). Корни *taks*, *caks*, *čās* <**keHs-*, *dāč* <**deHk* демонстрируют структуру, аналогичную основе сигматического аориста; долгий гласный как отражение полной ступени с ларингалом также способствовал развитию апофонии протеродинамических презенсов. Корень *takṣ* может представлять непосредственный аналог или греч. $\tau\acute{\alpha}\kappa\tau\omega$ <* $\tau\acute{\alpha}\tau\kappa\omega$, древняя редупликация, или лат. *texo* "плести" и, возможно, греч. претерит $\acute{\epsilon}\pi\acute{\epsilon}\tau\omicron\sigma\omicron\epsilon$, аористное причастие $\acute{\epsilon}\pi\tau\acute{\omicron}\sigma\sigma\alpha\iota\varsigma$ "привязывать, доставлять". Во всех этих основах не засвидетельствовано продленной ступени корня, что наводит на мысль о том, что протеродинамический презенс – внутрииндийское или индоиранское явление.

Остаются корни *ās*, *ūh*, *stu*, *či*. Долгота первого из них объясняется достаточно просто. Это редулицированный корень **es-*; основа **e-es-* представлена также в греч. $\xi\sigma\tau\alpha\iota$ и кетт. *esa(ri)* "сидеть". По происхождению это перфект, который, втянувшись в презентно-аористную систему в древнегреческом и древнеиндийском, получил медиальные окончания, тогда как исконный перфект *āsa* сохранил синхронную связь с корнем *as*. В хеттском старый перфекто-презенс сохранился потому, что вся его парадигма приобрела новый морфологический статус – медиопассив спряжения на *-hi*⁶.

Но для корней *ūh*, *stu*, *či* подобные объяснения не годятся, так как у них иная структура. Но показательно, что именно у этих корней есть индоевропейские аналоги, напоминающие своей апофонией протеродинамический презенс: др.-инд. *čáye* (<**kéi-e-i*), послевед. *čéte* (<**kei-to-i*) – греч. $\kappa\epsilon\tau\tau\alpha\iota$; *dhate* – $\epsilon\upsilon\chi\omicron\mu\alpha\iota$, аор. $\epsilon\upsilon\chi\tau\omicron$; *stáuti*, *stáve* – $\sigma\tau\epsilon\upsilon\tau\alpha\iota$, претерпит $\sigma\tau\epsilon\upsilon\tau\omicron$. И. Нартен полагает на основании подобных параллелей возможным проецировать протеродинамический презенс на праиндоевропейский уровень. Однако еще Вакернагель отмечал, что формы типа $\sigma\tau\epsilon\upsilon\tau\omicron$, $\epsilon\upsilon\chi\tau\omicron$ могут быть отражением древних сигматических аористов ($\sigma\tau\epsilon\upsilon\text{--}\sigma\text{--}\tau\omicron$, $\epsilon\upsilon\chi\text{--}\sigma\text{--}\tau\omicron$) [Wackernagel 1916]. Следует также указать на 0 ступень корневого вокализма, возможную у данных корней. Сопоставим перфект *ūhé* и меди *dhate*: *jiṣṇúr vām anyāḥ sūmakhasya sūrír divó anyāḥ subhágah putrá ūhe* (I 181, 4) "один из вас, победоносный владыка имеющего хорошую жертву, другой считается любимым сыном неба"; *ayám yó hótá kír i sá yamásya kám ápy ūhe yát samañjánti devāḥ* (X 52, 3) "этот, кто хотар, кто он у Ямы, как он может наблюдать, что боги смазывают салом?"; *áva spr̥dhi pitáram*

⁶ Связь глаголов "быть" и "сидеть" хорошо документирована. Ср. др.-исп. *sitan*, которое может означать и то, и другое. В докладе [Такака 1997] было высказано соображение о том, что корень **sed-* "сидеть" – это расширенный корень **es* в Бенвенистовом состоянии II: **Hes-* + *-ed-* > **Hsé-*. Впрочем, это представляется нам спорным.

yōdhi vidvān putró yās te sahasaḥ sūna uhé (V 3, 9) "возьми отца под защиту отрази, мудро (врагов от него), он себя твоим сыном считает, о сын мощи". Значение perfetto-презенса *uhé* можно определить как неактивное, эвентуальное, т.е. выражающее внутренние свойства, могущие быть обнаруженными ("считать себя", "считаться", "наблюдать"). Медиальный же презенс *dhate*, согласно Грассману, имеет значение "achten, beachten, wahren", т.е. ментальное действие, совершаемое субъектом для себя, в своей внутренней сфере. Такое распределение основ (полная ступень – контролируемое действие, 0 ступень имеет тенденцию к выражению неконтролируемого, вероятного состояния) в общем отвечает правилам ААП.

В корне *stu-* 0 ступень наличествует и в презенсе; ср. еще императив *stuhi*, причастие *stutd*, пассив *stuydte*, отглагольные имена *stut* "хвала", *su-stú* "хорошо хвалимый, похвальный". Медиально-инфинитивной форме *stusé* соответствует медиальный сигматический аорист *ástosi* (1 л.), *astosta* (3 л.), активные конъюнктива *stóšāni*, *stóšat*. В авестийском выступают в качестве параллели презенс *staoti* (= *stáuti*), *staotar* (= *stotár* "хвалитель"), *staoma* (= *stóma* "хвала"). 0 ступень вокализма засвидетельствована в инфинитиве *stuye*: *ainghe frača stuye* (Y I, 21) "что-то кому-то восхвалять". Следует отметить также авестийское причастие *staota*, на основании которого можно постулировать индоиранские дублиеты **stutó-/*stéuto-*. Сохранение полной ступени в некоторых слабых формах может быть объяснено противопоставлением реального медиа *stáve* и потенциального *stusé* (см. выше). Ср. еще пассивный аорист *astavi* "он был хвалим" и сигматическую форму *astosi*, лишённые потенциального значения. Впрочем, можно предложить и иное объяснение. Цело в том, что продленная ступень корня характерна не только для "протеродинамических" основ, но и для глаголов с корневой финалью **-eu-*: *táuti* "быть большим", *yáuti* (медий *yuté*) "соединять", *sáuti* "порождать, давать жизнь". При этом у глаголов *táuti*, *stáuti* есть варианты *táviti*, *staviti*, которые указывают на наличие здесь *set*-корня, т.е. основы на ларингал. Именно ларингал и способствовал удлинению корневого вокализма. Бездентальный же медий представляет чистую основу слабой формы. Возможно, именно поэтому она аттрагировалась к сильной основе этого корня (по упоминавшейся нами пропорции *vrddhi* : *guṇa* = *guṇa* : 0 ступень).

Параллели с полной ступенью медиа существуют и для глагола *čáye/čete*, ср. греч. *κεῖται*; ступень вокализма в хетт. *kittari* остается неясной. 0 ступень характеризует такие производные, как *suona-či* "лежащий на мягком ложе", *čilam* "обыкновение, сущность" (с долгим слоговым элементом), возможно, *ni-čita* "ночь" (<"всюду лежащая"). Из других индоевропейских аналогов отметим гот. *heims* "дом", лит. *šeimyna*, *šeimā* "семья", возможно, и *kiemas* "двор", *káimas* "деревня, село", ц.-слав. *сѣмь* "личность", *сѣмиа*. Интерес представляет лит. *káimas* с акутированным корнем, склоняющееся по I (неподвижной) парадигме. Может быть, именно акутовая интонация объясняет и долготу в др.-инд. *suona-či*, *čilam*, и возможное сохранение 0 ступени. Во всяком случае, Л.Г. Герценберг именно с акутом связывает "сильную" (удерживающую ударение) интонацию слога.

Корень *vas* вообще не засвидетельствован в 0 ступени (ср. греч. *ἐννυσι* "одевать", *ἔσθης* "одежда", лат. *vestis*, хетт. *česten* "одевайте", лув. *časta* "он одел(ся)", гот. *wasjan* "одевать", тохар. В *wātsi* "одежда". Следует, впрочем, заметить, что данный корень является сигматическим вариантом **eu-/u-*: ц.-слав. *об-оуми*, русск. *обуть*, *изуть*, лит. (*ap*)*aiūti* "обувать", лат. *ind-uo* "надевать". Может быть, сигматическая основа законсервировала Бенвенистово состояние II, наиболее архаичное для нее [Kuiper 1934].

Итак, характерные черты протеродинамических презенсов могут объясняться как результат сравнительно поздних фонетических и морфонологических процессов. Вместе с тем аномалии в корнях *uh*, *stu*, *vas*, *či* имеют не фонетическую природу и не полностью объясняются морфосемантическими процессами. Все предложенные нами объяснения довольно гипотетичны. Возможно, они действительно как-то соотносятся с

суперсегментными особенностями морфемы, удерживавшей ударение. Но обращает на себя внимание то, что только для корня *çi* в одном из его литовских соответствий можно реально увидеть то, что считается иммобилизующим фактором – акутовую интонацию (при том, что все другие варианты демонстрируют циркумфлекс). Отметим и системную близость протеродинамических презентов к ААП, заключающуюся в том, что продленная ступень в них занимает место полной, полная – нулевой (что является проявлением общего принципа Куриловича – общий морфологический принцип реализуется различными формальными средствами [Kurylowicz 1964]).

3. Теперь перейдем к именной акцентуации и апофонии. Здесь совершенно очевидно большее разнообразие моделей по сравнению с глаголом: в акростатических формах нет количественного аблаута, в протеродинамических нет апофонии падежей (вместо ожидаемого окончания генитива **-és/-ós* имеем простое *-s*; только гистеро- и голокинетические парадигмы соответствуют правилам ААП (ударный корень/суффикс vs. ударная флексия, т.е. вокальный элемент непосредственно перед ее консонантной частью). Вместе с тем нетрудно видеть, что та развернутая классификация, которую можно наблюдать у Айхнера и Рикса, при диахроническом взгляде существенно редуцируется. Во-первых, трудно уловить какие-нибудь различия между акро-, месо- и телевостатическими формами, тем более, что большинство упоминаемых в литературе акростатических форм односложны. Во-вторых, в рамках этого типа могут быть выявлены по крайней мере две разновидности: 1) односложные с качественным аблаутом (**dom: déms*), 2) двусложные – имена деятеля и родства на *-tar*: др.-инд. *pitár* (N): *pitúr* (Gen) < **pa-tér: *pa-tf-s; dātár : dātúr < *déa-ter: déa-tf-s; dātár : dātúr < *da-tér : *da-tf-s*, 3) Шиндлер к этой категории относит также некоторые односложные имена с мобильным ударением, не образующие генитива на **-os* (подробнее см. ниже). В-третьих, гистеро- и голокинетический тип могут рассматриваться как по сути единая парадигма, ибо в них противопоставляется ударная основа ударной гласной флексии. Различия же в трактовке корней и суффиксов связаны с требованиями эвфонии и трактовки безударных гласных. Сравним примеры Рикса (см. прим. 4): а) "амфидинамический тип" **çek-ónt-s : *uk-nt-ós* (греч. *ἑκόν, ἑκόντος* "добровольный", др.-инд. *uçán, uçatáh⁷*); б) "гистеродинамический" **urén : *urnós*. Сходство обоих типов очевидно. Попутно заметим, что хеттское соответствие этому корню *çékzi* Эттингер относил как раз к протеродинамическому типу, и наличие амфидинамического причастия от этого корня никак не свидетельствует об архаичности данной классификации. См. еще хетт. *ais*, род.п. *issas* "пот" и *zahhais*, род.п. *zahhijas* "битва". Первое имя должно, очевидно, трактоваться как голокинетическое, второе как гистеродинамическое, но совершенно очевидно, что они являют собой идентичную аблаутно-акцентную модель. Если же основа слова состоит из нескольких морфем (корня и суффикса), то вывести полную и 0 ступень их вокализма из гипотетического характера морфемных интонаций, как это делают Рикс и Хок, достаточно сложно. Всегда можно предложить альтернативное объяснение, связанное с теорией корня Бенвениста и Кэйлера, первичным распределением редукции безударных гласных и последующим выравниванием по аналогии. Итак, реально можно выделить только 3 типа именной акцентуации, *gesp.* аблаута: 1) (акро)статический, когда ударение в склонении не сдвигается со своего места направо, а перед флексией не появляется вокальный ауслат; 2) протеродинамический, когда ударение сдвигается на гласный,

⁷ Вопрос об огласовке этой основы представляется не до конца ясным. По мнению Рикса, основу номинатива репрезентирует греческий, а генитива – санскрит. Но возможна и совсем иная реконструкция. Согласно формуле *SWSWS* (*S* – strong, т.е. нередуцированная гласная, *W* – weak, редуцированная, *š* – ударная [Schmalstieg 1980]), номинатив этого причастия следует восстанавливать как **uk-ónt-s*, генитив – **çek-nt-ós*. Первая форма засвидетельствована в санскрите, вторую можно экстраполировать на прагредческий. Замена ее на *ἑκ-ónt-ós* произошла потому, что суффикс *-ónt-* в большинстве индоевропейских языков обобщил свою полную ступень.

стоящий перед последним согласным основы, причем этот последний может в безударном положении быть синкопирован, символически: CVC(V)C-s : C(V)CVC-s (C – любой согласный, () – знак редукции и возможной синкопы); 3) гистеродинамический (голокинетический) тип, когда в "слабых" формах ударение падает на гласный, стоящий непосредственно перед флексией: им.п. -s- род.п. -ós и т.д. (см. табл. 1). Такие имена прежде всего и отвечают сформулированным правилам ААП. Предметом дальнейшего рассмотрения будет соотношение ААП с акростатическими и протеродинамическими именами.

Здесь мы сразу можем отметить те же особенности, что и в протеродинамических презенсах. Хотя у имен двух первых типов наличествует грамматический способ, материально иной, чем ААП, системные соотношения здесь идентичны.

Акростатический тип	Протеродинамический тип	ААП
Nom. *dóH-ter/*dH-tér	*suéHdu-s	*pód-s/*péd-s
Gen. *dóH-tr-s/*dH-tr'-s	*suHdéu-s	*podó-s/*podé-s

Как видим, в акростатическом двусложном типе наблюдается оппозиция суффикса в полной (номинатив) и 0 ступени вокализма, вполне идентичная ААП, ср. греч. πατήρ/πα-τρ-ός, лат. *pa-ter/pa-tr-is*. В протеродинамическом же типе чередование ударений вполне отвечает правилам ААП: оппозиция корневого vs. некорневого акцента⁸. Очевидно и то, что парадигмы *dātar/dātūr* и *svādúh/svadóh* не могут принадлежать к одному временному пласту: первая могла появиться лишь во время ослабления силовой компоненты акцента, когда только и могли появиться слоговые сонанты под ударением.

Теперь перейдем к каждому из этих типов по отдельности.

3.1. Односложные акростатические имена представлены немногими примерами. По сути дела, нам удалось диагностировать лишь четыре корня, от которых действительно образуется генитив (или нечто ему подобное), отличающийся от номинатива только качеством корневого гласного. Это прежде всего упоминаемое Шиндлером греч. δεσπότης "хозяин, господия" (<*dems-pot-), ср. однокоренные авест. *dang patoiš* с бесспорной ступенью *e* первого слова, др.-инд. *dāmpati* "хозяин дома", причем в двух контекстах Ригведы это словосочетание встречается с инверсионным порядком слов: *pati dán* (I 120, 6), *pátir dán* (I 149, 1). Генитив *dems должен противостоять номинативу *dóm (гомер. δῶ). Однако Шиндлер оставил без внимания микенский аналог *dopota* (PY Tn 316) "владыке" (дат.п., имя божества, которому жертвовались золотые чаши [Chadwick-Baumbach 1963: 183]), которое, очевидно, репрезентирует ступень *o* вокализма первой основы⁹. Таким образом, мы либо должны признать, что в этом композите встречаются два генитива *dems/*doms, причем последний омонимичен номинативу, что довольно маловероятно, либо дать первому элементу композита иное толкование. Вопрос должен быть поставлен так: в чем причина формальной оппозиции *dem(s) и *dom, и каковы их функциональные различия? Проблема осложняется тем, что односложность и отсутствие тематической гласной вовсе не является характеризующей чертой именно этого корня. Он хорошо известен в 0 ступени вокализма, ср. греч. δεῖός "раб" (<"захваченный"); Шиндлер [Schindler 1967] отмечает также, что армянский генитив *tan* восходит к *dm-melos, в авест. *dātana* также наличествует 0 ступень (<*dm-meno-). Тематическую основу см. в греч. δέμος, лат. *domus*, др.-инд. *dāma*, слав. *домъ*, с вариацией – и лит. *nāmas*. Таким

⁸ Разумеется, тестом для обнаружения акцента служит количественный аблаут. С синхронной точки зрения номинатив греч. ἥδός и др.-инд. *svādúh*, конечно, окситонны.

⁹ По мнению Н.Н. Казанского и В.П. Казанские [Предметно-понятийный словарь 1986: 142], в форме *dopota* первая основа находится в 0 ступени. Слоговые рефлекссы сонантов в микенском греческом действительно подвержены вариации, ср. *peto: petā* оперцо : оперца; однако вопрос об огласовке *dopota* остается sub iudice; существенно, однако, что это – не ступень *e*.

образом, никакой мистической силы, привязывающей корень **dem-/dom* именно к акростатической парадигме, нет.

В специальной публикации, посвященной рассмотрению и.-е. **dém-s-pot-* и гомеровскому *δῶ*, мы отметили, что форма **dém-s* всегда ударна; она обычно занимает первую позицию в предложении (или синтагме), но сохраняет ударение и после первого слова. Напротив, *δῶ* всегда находится в конце стиха, т.е. по метрическим условиям стоит в безударной позиции. Циркумфлексная интонация здесь выражает то, что вторая мора долгого слога была безударна; безударным, очевидно, было и имя в целом. Существенно, что это имя всегда встречалось с определениями, некоторые из них могут претендовать на статус формульных и проецироваться на праиндоевропейский уровень: *πατρός, μητρός δῶ <*patrós, mātrós dom, Αἰδός δῶ <*sm-(n)uidós dom*. Следовательно, **dém-s* и **dom* противостоят как определение и определяемое, первый и второй члены атрибутивной синтагмы, безударный и ударный ее члены. Ударность определения в индоевропейском предложении вытекает из двух обстоятельств. 1. На раннем этапе существования индоевропейского праязыка атрибутивная синтагма состояла из окситонного определения и баритонного определяемого; в этих условиях функционально значимым было именно ударение первого члена, так как оно указывало на грамматическое отношение (такой тип синтагмы хорошо запечатлен в вышеприведенных гомеровских формулах с *δῶ*). 2. На более поздней стадии подчеркнуто ударным становилось начало синтагмы (предложения и колоны). Иными словами, в атрибутивной синтагме ударение падало на стоящее в препозиции определение. Таким образом, ударность **dém-s* и безударность **dom* тесно связаны с их позицией, гесп. с функцией.

Итак, **dém-s* выступало в роли определения, **dom* – в роли определяемого. Нам представляется, что такой подход снимает ряд вопросов, которые возникали при попытке приписать этим словоформам падежные характеристики. Падеж – категория реляционная (или – в терминах Куриловича – инфлекционная), она характеризуется жесткой функцией и более-менее однозначным грамматическим способом. Во всяком случае, трудно представить себе падеж, который бы маркировался и своим собственным грамматическим способом (в нашем случае – ступенью *e*), и парадигматически противопоставленным ему (ступенью *o*, характеризующей – по Шиндлеру – номинатив). Кроме того, генитив, заменяя другой падеж, видоизменяет значение и функцию соответствующего члена предложения. Греч. ἔρχονται πεδίοιο (вместо πεδίου) "они идут по равнине", русск. выпить воды (вместо воду) указывает на то, что действием охвачен не весь его объект, а лишь его часть. В позиции номинатива генитив имеет также партитивное значение: авест. *kat ta rava frayan pasvam va staoram va naram va narinam* (пример взят из [Brugmann 1922: 565] "по этому пути да пройдут (кто-нибудь из) мелкого или крупного скота, мужчин или женщин". Никаких подобных семантических различий между номинативом и "акростатическим" генитивом не удается обнаружить. Определение же, как категория деривационная, не требует жестких формально-синтаксических ограничений. В функции одного и того же члена предложения могут выступать разные классы слов: русск. *Зеленая трава* как синтагма не отличается от *зелень-трава*; греческий дательный предела функционально может быть близок винительному отношению.

Трактовка оппозиции ***dém-s/dom-* как позиционно-синтаксической проясняет и качественный аблаут ее членов. Дело в том, что в сравнительно поздний период индоевропейского языкового состояния, когда силовая компонента ударения заметно ослабела, безударные гласные не синкопировались, а меняли свой тембр: безударное *e* изменялось в *o*: греч. φέρη – ἄφρων, πατήρ – εὐπάτωρ, др.-инд. *bhāra* "ноша; несущий" (<*bhéro-*) *bhāra* "то же" (<**bhoro-/lé-*) [Manczak 1960]. Алофония *dém-s/dom-*, очевидно, того же происхождения. Это обстоятельство позволяет уточнить относительную хронологию возникновения подобного рода "акростатических" форм. Они появились во время, значительно более позднее, чем функционирование ААП.

В литовском греческому δεσπότης соответствует *viēšpats* "хозяин, господин", первая часть которого сравнивается с греч. οἶκος "дом", лат. *vicius* "деревня", др.-инд. *viç* "место жительства; племя, община". Литовский композит реконструируется как **ueik-pati* > **veiš-pati*¹⁰; Шиндлер также относил его первый элемент к "акростатическим" генитивам [Schindler 1967; 1972]. Но др.-прусс. *waispattin* "госпожа" (вин.п. ед.ч. в III 69, 5 и дат.п. мн.ч. в III 95, 20) соотносится с лит. *viēšpats* как микен. *dopota* с δεσπότης. Следовательно, здесь можно предложить то же решение. Кстати, лит. *viēš-* и однокоренные ему слова характеризуются циркумфлексной интонацией, следовательно, в этом корне едва ли можно обнаружить тон, ведущий к иммобилизации акцента.

Несколько уточнений требует и этимология первого элемента. Помимо связи с и.-е. **ueik-* "селение, община, семья, дом" можно предположить родство с др.-инд. *viçva* "весь". Правда, другие прилагательные с тем же значением предполагают корневой ауслаут -s: лит. *visas*, ц.-слав. *вьсь*. Но лит. *viēšas* "общественный, публичный" можно связать и с семей "всеобщий". Вероятно, впрочем, что корни **ueik-* и **uis-* суть расширения корня **uei-* "вить, тянуть(ся)" (>"распространять(ся)"). Такая этимология может объяснить и специфическое значение др.-инд. *viçdāti* "входить, вступать, попадать": глагол пространства.

В санскрите данному композиту соответствует *viçpāti* "глава общины, старейшина". 0 ступень корневого вокализма первого элемента явно противоречит возможности образования от него "акростатического" генитива. 0 ступень могла появиться по аналогии с самостоятельным *viç* (род.п. *viçáh*) "дом, община". Присутствие 0 ступени в первом члене композита, по-видимому, имело последствием необязательность постановки на нем ударения; имя *viçpāti* акцентуировано на втором корне, как большинство имен типа *tatpuruṣa* (с первым элементом, обозначающим обладаемый предмет). Синонимичное ему *jāspati* <**gnā-s-pati* предполагает наличие гипотетических имен типа **gén(H)-s-pHti* / *gonH-s-pHti*.

0 хетт. *nekuz* выше уже упоминалось. Оно может стоять в контексте и в отсутствии *mehur*: *mahhan-ma nekuz kisat* (KUB I 13 IV 26) "и затем ночь наступила". Это сильно затрудняет вопрос о грамматическом статусе *nekuz*. Шиндлер полагал, что в контекстах, подобных процитированному, имел место эллипсис номинатива. Ср. *mahhanma nekuz MUL uatkiçi* (KUB IX 22 III 38) "и ночь(ю) звезда поднимается"; и в том же тексте (II 46) *mahhanma nekuz mehur kisari MUL uatkiçi* "когда ночь (ночи) время настае, звезда поднимается". Но с нашей точки зрения, отсутствие в первом контексте оборота *mehur kisari* никак не доказывает генитивного характера формы *nekuz*. Она выражает основной смысл синтагмы, и в этом отношении первый контекст может быть сопоставлен с лат. *Si luci, si nox, si mox si iam data est frux* (Enn. Ann. 431) "или днем, или ночью, или в ближайшее время дан плод". Следует заметить, что первый член синтагмы *UD-az* (= *siuaz*) *taksan* "день – середина", традиционно сопоставлявшейся с *mehur nekuz*, Шиндлер считал номинативом. Это никак не вносит ясность в проблему. Почему номинатив *siuaz* и генитив *nekuz* оказались совершенно изофункциональны? Представляется, что если мы припишем форме *nekuz* атрибутивную функцию, то на этот вопрос будет дан удовлетворительный ответ. Атрибут по законам метонимии вполне может занять место определяемого.

Далее оппозиция номинатива со ступенью 0 и генитива *e* прослеживается в авест. *hvarə/xvəng* "солнце". Здесь разделение функций четко, но в свете вышесказанного вполне объяснимо. У атрибута есть тенденция становиться генитивом (некоторые примеры см. ниже), которая в данном случае реализовалась. То же относится и к *haxman/haxməng* "потомство" (<**sek^u-mon/sek^uméns*). Впрочем, это уже двусложная основа, в которой качественные чередования могли возникнуть не только под воздействием синтаксической позиции.

¹⁰ Знак акцента указывает только на его место, а не характер.

Другие примеры Шиндлера выглядят менее убедительно: *g^hou-/g^heu- "корова" (без указаний на рефлексы последнего варианта); *g^hon-/g^hen- "жена, женщина", причем последнюю форму можно видеть в др.-ирл. *ben*. Но это – номинатив (ср. гот. *qīno* и *qens* с той же ступенью *e*), генитив же *mīa* < *g^hnās представляет собой закономерную основу с 0 ступенью корня. Ее наличие в номинативе, также закономерное при суффиксе *-a-*: со слоговым сонантом – см. греч. γυνή (беот. βανά). О вед. *veḥ* "птица" (им. и род.п.) сказать что-либо трудно, так как не вполне ясны его индоевропейские аналоги (лат. *avis*?). Др.-ирл. *imb*, род.п. *imbe* (<*ḡ-g^hn-/*ḡ-g^hens) "масло", *ainm/lanme* (<*Hn-mḡ/*Hn-mens) "имя" представляют оппозицию 0 и полной ступени. Характер же генитива на *-éns будет рассмотрен чуть ниже.

Пока же подытожим некоторые результаты. Формы со ступенью *e* не находятся в строгой и жесткой оппозиции к формам с *o*, они могут взаимозаменяться, выполняя одну и ту же синтаксическую функцию. Но отметим, что соотношение основы номинатива со ступенью *o* и "слабых" падежей с *e* наблюдается не только в односложных словах. Ср. греч. γένος/γένεος (<*γένεος), лат. *genus/generis* (<*geneses) "род", *homo/hominis* (<*hem-on-s/*hem-en-es) "человек", лит. *armuōlarmeis* (<*ar-mon-s/*ar-men- "пашня", *meniūlmenesiēs* (<*men-os-s/*men-es-eis) "месяц" (с окончанием, заимствованным из основ на *-i-*), *sesuōl seseis* (<*s(u)esor-s/*s(u)eser-) "сестра". Следовательно, качественный аблаут как показатель падежной оппозиции существует, что совершенно справедливо отмечал Шиндлер [Schindler 1972; 1975]. Но он не ограничивается только падежами. В основах на *-es-* в греческом он разделял классы имен: γένος – εὐ – γυής (ср.р. εὐ–γενές) "благородный", κλέος "слава" – ἐκκληής (κλεφές) "славный". Конечно, подобное изменение значения вообще характерно для префигурованных форм (русск. *рок-про-рок*, лат. *ops* "сила" *-in-ops* "бессильный"). Однако подобная же семантическая оппозиция встречается и в беспрефиксальных формах: ψεύδος "обман" – ψευδής "лживый". Формально эти имена противопоставлены местом ударения и качественным аблаутом; семантически – как имя действия vs. имя лица, имеющего отношение к действию; морфологически – как существительное vs. прилагательное; синтаксически – как имя определяемого vs. имя определения (апозиция). Все эти соотношения напоминают описанную несколькими абзацами выше оппозицию *dēms/dom. Качественный аблаут сыграл существенную роль в противопоставлении общего и конкретного имени деятеля: вед. *dātár*, греч. δῶτωρ именуют "дарителя" как постоянное свойство, *dātár*, δότηρ – как ситуативное, сиюминутное [Benveniste 1948]. Оппозиция ступеней суффиксального вокализма здесь возникла благодаря передвижению акцента: *e* под ударением vs. *o* в безударной позиции. Но это обстоятельство привело к тому, что и сам качественный аблаут приобрел семантическое наполнение: ступень *e* стала ассоциироваться с именами определений, действующих, претерпевающих лиц, ступень *o* – с именами действия. В древнеиндийском у тематических имен наблюдаются следующие оппозиции: *śóka* "блеск" – *śucá* "блестящий", *róga* "болезнь" – *rujá* "разрушитель"; иногда передвижение акцента приводит только к изменению тембра тематической гласной, а не корневого вокализма: *bhóga* "удовольствие" – *bhojá* "щедрый", *árka* "луч" – *arcá* "блестящий". В некоторых парах передвижения акцента не происходит, и окситонные абстрактные/конкретные имена различаются только качеством тематического гласного: *roká* "свет" – *rucá* "светлый", *bhagá* "часть" – *bhajá* "участник", *bhogá* "кольцо" (<*согнутое) – *bhuja* "хобот" (<*сгибающийся). Первым описавший это явление Э.Г. Пэллейбланк [Pulleyblanc 1965] связывал эту семантическую оппозицию с тем, что ступень *e* репрезентирует немаркированную гласную фонему, а ступень *o* – маркированную "интравертным" тембром. Но, возможно, причиной их семантического различия явилось именно ударение.

Передвижение акцента – это вообще очень сильный грамматический способ для раннего общиндоевропейского языкового состояния. Именно оно различало абстракт-

ные и конкретные, самостоятельные и апозитивные, субстантивные и адъективные имена. Древнегреческий и древнеиндийский тип τόμος – τομός должен быть скорее переименован в тип φῶρ – φῶρος – φῶρος: первичной была оппозиция атематического и окситонного тематического имени (на праязыковом уровне – *bhór_os – *hh_orós); новые баритонные имена появились в тот период, когда смещение ударения уже не приводило к редукции и синкопе безударных гласных. В отличие от старых атематических, новые баритонные имена обозначали почти исключительно само действие или его результат, но не действующее лицо. Возможно, что в корнях типа TVR и TVT, где по причинам эвфонии гласный не мог синкопироваться, он изменял в безударном положении свое качество. Далее, при передвижении акцента снова на корневой гласный менял качество безударный тематический гласный; так образовалась форма типа λόυος, которая находилась в формальной и семантической оппозиции к изначально баритонному λέξις¹¹. В древнегреческом в тематическом гласном генерализовалась ступень *o*, в древнеиндийском остались следы старой оппозиции. Именно она явилась причиной того состояния, на которое обратил внимание Э.Г. Пэллейбланк: *e* – показатель "экстравертного" значения, *o* – "интравертного".

Итак, удается реконструировать два базовых грамматических способа: передвижение акцента и качественный аблаут, который, по-видимому, был произведен от предыдущего, но на каком-то этапе эволюции праиндоевропейского приобрел самостоятельное значение. Для установления семантики этих способов целесообразно использовать следующую цепочку сем: абстрактные имена/ имена действия/ имена результата действия/ имена деятеля (субстантивы)/ апозитивные имена (со значением деятеля или претерпевающего/ прилагательные (с тем же значением). Баритонные и маркированные ступенью *o* (корневого и/или суффиксального вокализма) имена стремятся в левый край этого ряда, окситонные и маркированные ступенью *e* – в правый. Эта корреляция носит вероятностный характер, что представляется методологически вполне оправданным при реконструкции. Именно такой подход позволяет правильно объяснить чередования типа δεσπότῆς – *dopota*, *višpatis/waispattin*. Позицию первого элемента композита можно считать слабой для различения существительных и прилагательных. Словосложение в индоевропейских языках может осуществляться без участия каких-либо специальных морфем. Так, в русском *дом-о-владелец* формант *-o-* является соединительной гласной и не передает сам по себе никаких грамматических отношений. То же относится к именам *долг-о-ноз(уй)* и *бел-о-эмигрант*. Первый тип сложного имени называется в древнеиндийской грамматической традиции *tatpuruṣa* (др.-инд. *agnim-iddhá* "зажженный огнем", *deva-datta* "богоданный"), второй – *bahuvrīhi* или possessivное сложное слово (*sáha-vatsa* "сопровождаемый теленком", *dīrgha-mukha* "длинноклювый"), третий – *karmadhāraya* (*prathama-jā* "первороденный", *maha-vīrá* "большой-человек, великий герой") [Macdonnell 1916: 159]. Границы между тремя типами нежестки: *dīrghabahu* может означать как "длинная рука" (*karmadhāraya*), так и "длиннорукий" (*bahuvrīhi*); *sūrya-tejas* – "блеск солнца" (*tatpuruṣa*) и "обладающий блеском солнца" (*bahuvrīhi*) [Зализняк 1987: 874–6]. Исходя из этого, можно предположить, что композиты с апозитивным первым элементом (**déms-pot-*, **uék-pot-*) представляли тип *karmadhāraya*, а с неапозитивным (**dom-pot-*, **uoik-pot-*) – *tatpuruṣa*. Следует заметить, что *tatpuruṣa* в древнеиндийском характеризовались ударностью второго элемента. Помимо приведенных выше примеров см. *rāja-putra* "имеющий сына-царя" (*bahuvrīhi*) vs. *rāja-putrá* "сын царя" (*tatpuruṣa*). Следы этой же оппозиции двух типов сложных слов прослеживаются и в греческом: имя деятеля γεωργός "земледелец" противопоставлено possessivному κακοῦργος "злодей" (= "имеющий злые дела"). Ф. Бадер [Bader 1965: 103] объясняет разницу между κακοῦργος и гомеровским

¹¹ По-видимому, исходя из вышесказанного, склонение односложных атематических имен структуры TVT можно реконструировать так: номинатив **péd-s* (под ударением) / *pod-s* (без ударения); генитив *podés* [ср. Schindler 1975; Герценберг 1989]; ступень *e* была обобщена в лат. *pedis*, *o* – в греч. ποδός.

какоεрубς тем, что первое обозначает постоянного деятеля, иначе – деятеля-посессора, второе – сиюминутного агенса¹². Существование композитов типа *dom-pot, *цoik-pot с неударным первым членом позволяет экстраполировать этот акцентуационный тип на праиндоевропейский языковой уровень.

Теперь вернемся к грамматической характеристике имен со ступенью *e* и окситонных, которую мы выше определили как аппозитивно-атрибутивную. Еще раз подчеркнем, что аппозиция в отличие от генитива не требует жестких грамматико-синтаксических отношений. Определяемый член может быть опущен. С другой стороны, жестких границ между аппозицией и генитивом также нет, и первое легко может выполнять функцию второго. Судя по всему, лидийский гентив на *-l* является по происхождению прилагательным, родственным притяжательному местоимению и соответствующему адъективу в других анатолийских языках. Ср. им.п. *artamun* "Артемиды", род.п. *artamul*; им.п. местоимения 3 л. ед.ч. *his* "он" – притяжательное местоимение *hilis* "его". В ликвийском этот суффикс маркирует притяжательные прилагательные: *trmul* "термильский"; в хеттском при именах он имеет посессивную функцию (*karu* "рано, ранее" – *karuilis* "прежний"), при местоимениях – генитивную (*kuis* "кто" – *kuel* "кого", *apas* "тот" – *apel* "того", *uk* "я" – *ammel* "меня", *zik* "ты" – *tuel* "тебя") [ср. Миттельбергер 1980]. Родственные им формы в других индоевропейских языках суть местоименные прилагательные: лат. *qualis* "какой", *talis* "такой", греч. *πῆλκος* "сколь большой", *τῆλκος* "столь большой". Прилагательные с суффиксом *-lis* иногда по значению уподобляются генитиву, причем не только субъектному, но и объектному: *metus hostium* "страх врагов (= перед врагами)" – *metus erilis* "страх господина (= перед господином)". В хеттском имя свойства может быть лишено формальных отличий от генитива: *цastul* "грех" – род.п. *цastulas* – конкретное имя *цastulas* "грешник". Поэтому нет ничего удивительного, что имена рассмотренного выше типа уподобились генитивам. Но по приведенным выше соображениям мы их определяем именно как деривационные категории.

Таким образом, односложные "акростатические" генитивы обязаны своим существованием не акцентологическим свойствам морфемы. Как раз те имена, которым обычно приписывается акростатика, характеризуются различными ступенями корневого вокализма в разных языках и позициях. Их литовские параллели характеризуются циркумфлексной интонацией, т.е. не предполагающей иммобилизации акцента¹³. Возникли они благодаря сложным процессам и взаимодействию разных уровней – от фонетического до синтаксического.

3.2. Теперь обратимся к "акростатическим" именам, образующим 0 ступень вокализма в суффиксе. Сама по себе она не должна вызывать недоумения: при генитиве **-és/-ós* естественна редукция предыдущего гласного: лат. *pater/patris*, греч. *πατήρ/πατρός*, гот. *broþar/broþrs*. Проблема заключается в аномальном окончании генитива *-s*. Следует заметить, что генитив типа *pitúr* вместо общеиндоевропейского **pə-tr-ós*, явившегося прототипом греческой, латинской и готской формы, аномален и с точки зрения индийской парадигмы: в слабых падежах находим: дат. ед.ч. *pitré*, инстр. *pitra*; род.п. дв.ч. *pitrós* (последнее имеет непосредственный аналог в авест. генитиве

¹² Любопытно, что оппозиция постоянного и сиюминутного деятеля возникает в различных морфологических подсистемах, связанных с передвижением акцента. Э. Бенвенист выявил ее на примере разноударного суффикса **-ter/*-tér*, автор этих строк [Krasuchin 1996], рассматривая взаимоотношение атематических и окситонных тематических имен, отметил, что первые нередко обозначают постоянные качества, а вторые – временные, возникающие лишь в определенной ситуации свойства: *σκέττοραϊ* "видеть" – *σκάψ*, *κίψ* "хищная птица" – *σκοτός* "стражник; цель" (чисто ситуативное имя предмета). Противопоставление постоянного и сиюминутного – важная семантическая составляющая аблаутино-акцентной парадигмы, сыгравшая большую роль в развитии индоевропейских глагольных категорий.

¹³ Понятно замечу, что вопрос о прямой связи литовских интонаций с индоевропейской акцентологией остается неясным до конца. Ни одно передвижение акцента, обусловленное интонационным контуром, описанное законами Фортунатова-Соссюра, Шахматова, Иллич-Свитыча, Дыбо, не имело следствием синкопу безударного гласного. Не говорит ли это о том, что связь с интонацией – примета позднего, неслогового индоевропейского акцента?

ед.ч. *pitro*); соответственно генитив от авест. *data* "даритель" – *dabro*. Таким образом, формы *-tur* < **-tʰs*, по-видимому, являются инновациями. Их происхождение, скорее всего, обусловлено аналогическими процессами. Сравним: генитив и аблатив ед.ч. *pitúr/mātúr/dātúr/dātúr*: генитив-локатив дв.ч. *pitróš/mātróš/dātróš/dātróš* – генитив мн.ч. *pitʰnām/mātʰnām/dātʰnām/dātʰnām* – аблатив *pitʰbhyas/mātʰbhyas/dātrʰbhyas/dātʰbhyas* – локатив *pitʰsu/mātʰsu/dātʰsu/dātʰsu*. Таким образом, для большинства форм генитива и синкретичных ему падежей характерна 0 ступень корневого вокализма. В плюралисе же сонант стоит под ударением и имеет слоговой призывок. Кроме того, в именах деятеля корневой вокализм подвергался унификации. Имя *dātar* < **dóH-tor-s* образовывало генитив согласно формуле *SWŠWS-*doH-tr-ólés*, *dātár* < **dH-tér-s* по той же формуле при передвижении акцента должно было бы выглядеть также как **doH-tr-ólés*, но фонологическое различие обеих форм должно было закрепить 0 ступень корня. С другой стороны, окситанное имя деятеля как будто имеет тенденцию к иммобилизации ударения на суффикс; об этом косвенно может свидетельствовать обобщенная продленная ступень суффиксального вокализма (*δοτήρ-δοτήρος*). Следовательно, мы можем предположить и наличие генитива **dH-tér-s* (*dH-tér-os*). Формы **doH-tr-és* и **dH-tér-(o)s*, по-видимому, контаминировали в **dóH-tʰ-s/dH-tʰ-s*. Это предположение может быть подтверждено и тем что в древнеиндийском в обоих вариантах имени деятеля наличествует полная ступень вокализма; они различаются только местом ударения.

Еще одно возможное объяснение – аналогия с основами на *-i-/u-*: род.п. ед.ч. *agnéh*: дв.ч. *agnóh*, resp. *sunóh*: *sunóh* → **pitʰs* > *pitúr*: *pitróh*. Ударение стремится на ауслат основы, который приобретает слоговое качество.

4. Для объяснения различий между протеро- и гистеродинамическими именами, помимо тоновой гипотезы, привлекались и соображения, связанные со структурой корня. О. Семереньи полагал, что распределение флексий **-éis*/**-iés* зависит от типа основы имени. "Легкая" база, т.е. имеющая один согласный перед конечным *-il-u-*, сочеталась с "закрытой" флексией (**-jes*), "тяжелая", т.е. основа с долгим гласным или несколькими согласными перед *-i-/u-* – "открытой" флексии (**-eis*). Ср. др.-инд. *krátukrátvah* "сила", *árljaryáh* 1. "благочестивый", 2. "враг"; но *agnih/agnéh* (< **agnís*) "Агни, огонь", *bāhulbāhóh* "рука" [Семереньи 1980, 186–190]. Развивая его идеи, Р. Фальк строит модели формирования открытой и закрытой флексии, опираясь на теорию моновокализма К. Боргстрёма [Borgström 1949]. Согласно ей, каждая согласная в раннем протоиндоевропейском сопровождалась вокальным призывком. Слово имело одно ударение, безударные гласные, не соприкасавшиеся непосредственно с ударной, могли получать вторичное ударение. Синкопе подвергались абсолютно безударные гласные; вторично ударные могли сохраняться [Fulk 1986: 85], что и приводит к упоминавшейся нами формуле *SWŠWS*. Раннеиндоевропейские прототипы "легких" и "тяжелых" баз выглядят так: 1) номинатив **Háwayas*: генитив **Háwayās* → **Héw₂s*: **Hewyós*; 2) **mánatayas*: **mánatayās* → **mént₂ys*: **mentóys* (вед. *ávihlávyah* "овца", *matʰh/matéh* "мысль"). Впрочем, в интерпретации Фалька остаются непроясненные вопросы: каким образом вторичное ударение, исчезающее в номинативе как более слабое, превращается в генитиве в первичное. Еще раз приходится подчеркнуть: единственное непротиворечивое объяснение разноударности сильных и слабых падежей – ААП.

Гипотеза Семереньи – Фалька выглядит убедительной для отдельных имен. Но существует ряд обстоятельств, не укладывающихся в нее. Прежде всего: какова относительная хронология этого распределения флексий? Окончания **-eis*, **-ous* имеют явно общеиндоевропейские истоки: они находят параллели в итальянских и балто-славянских языках. Ряд же "тяжелых" баз стали таковыми только в индоиранской языковой истории: *dāru/dróh* "дерево", авест. *dauru/draoš* (греч. *δῶρυ* "копье"), *jānu/jjóh* "колени" (греч. *γόνυ*). По-видимому, *sānu/snóh* "горный хребет" также

репрезентирует ступень *o*. Правда, можно предположить, что эти основы уподобились тяжелым базам по аналогии, в результате отождествления ступени *o* с продленной. Но в *āyulūḥ* "жизнь", авест. *āyulyaōš* долгота корневого гласного выглядит вторичной, так как не подтверждается параллелями типа лат. *aevum*, греч. *αἰών*. Чередование с *0* ступенью в слабых падежах также не подтверждает исконность ступени *vr̥ddhi*. По-видимому, эти формы должны реконструироваться как **āHiu/*Hiéus*. Может быть, основа с ларингальным уподобилась тяжелой базе. Аналогией можно объяснить и соотношение *kšú/kšóh* "еда": здесь вторично сочетание согласных, так как этот корень имеет структуру CVC-, отраженную в глаголе *ghaṣati* "есть". Однако остается неясным вопрос о дублетах, хорошо известных в Ригведе и Авесте:

Ригведа	Авеста
<i>krátvah/krátōh</i>	<i>xraθwo/xraθəuš</i>
<i>vásvah/vásōh</i>	– <i>vangəuš</i>
<i>mádhváh/mádhōh</i>	– <i>məθəuš</i>
<i>páçvah/páçōh</i>	<i>pasvo/pasəuš</i>
–	<i>ərəzvo/ərəzoš</i>

(Таблица заимствована из работы [Miller 1969: 211].) Список дублетов расширится при привлечении параллелей за пределами индоиранского. Так, *jānu/jñóh* может быть сопоставлено с греч. *γόνυ*/гомер. *γουνός* <**γovFós*, итога – праформы генитива **gnéus/gonócs*; *dāru/dróh* и расширенная форма *druṇáh* – с *δῶρυ/δῶρατος* <**δῶrF-υ-τ-δῶρός* <**δῶrFós*, а также с *δρῦς/δρούς* (генитивы **dréus/dorúcs/druós/dru-n-ós*). Генитив *dyóh* может быть сопоставлен с лат. *Jovis* (пренестинский аблатив *Diove*, норбарийский *Diovo*¹⁴), тогда как *diváh* – с *ΔιFós*.

Миллер [Miller 1969: 212] упоминает также дублеты, где оппозиция генитивов связана с чередованием основ: женский род на долгий гласный, противостоящий краткогласному мужскому роду: *ágru* "холостой" (Nom.pl. *ágravas*) – *agrú* (генитив *agrúvas*) "незамужняя", *kádru* "бурый" – *kadrú* (*kadrúvas*) – ж.р.; *tānu* "вытянутый" – *tanú* "тело" (<"вытянутое"), *jātu* (ср.р.) "суть, случай" – *jatú* "летучая мышь". Имена женского рода имеют гистерокинетический генитив, но его особенность в том, что ударение не сдвигается со слогового сонанта, и он не теряет своего слогового качества. Имена же на краткий гласный характеризуются "открытой" флексией, ср. вед. *páraçōh*, род.п. от *páraçuh* "секира". Пример тем более показательный, если учесть, что это слово, по-видимому, не исконно индоевропейское: др.-инд. *páraçu*, греч. *πέλεκυς* (род.п. *πελεκέως*, ион. *πελεκέος*), авест. *paraθu*, по-видимому, заимствовано из аккад. *pilakku* (впрочем, Шантрэн в этой связи замечает, что аккадское слово означало не "топор", а "ветерено" [Chantraine 1974: 875]). Следовательно, протеродинамические флексии развивались и в заимствованиях, что свидетельствует о продуктивности процесса. Вообще, при обзоре основных индоевропейских языков становится очевидным, что "открытая" флексия вытесняла "закрытую". В латыни, балтийских, славянских и готском имелось только "открытое" спряжение, в греческом и индоиранском "открытые" парадигмы количественно заметно превосходили "закрытые". Из 50 имен на *-u*, в Ригведе, рассмотренных нами методом случайной выборки, только 3 (*vásu*, *mádhu*, *páçu*) образовывали, наряду с "открытым" и "закрытые" генитивы. Во всех остальных "слабые" падежные формы маркировались основой *-av-*. Протеродинамическая флексия внедрилась и в производные имена. Она характеризует большинство основ на *-tu-*: *tri-dhatú* – *tridhatávas* (*gāvas*) "владеющие тройным добром (коровы)"; *yatú* "колдовство; колдовское существо, демон (обычно в мн.ч.) – им.п. мн.ч.

¹⁴ По фонетическим законам латыни **eu + V > ov*, греч. *υέFος* – лат. *novus*.

yatdvas, *ῥτή* "время" – *ῥτός*, *vastu* "жилище" – *vastos* (ср. греч. ἄστυ – ἄστεως). Исключения: *krātu* "сила" – *krátos/krátvas*, *pitú* "жидкость, питье" – *pitvás*. Но несмотря на преобладание "открытых" флексий, для этого типа несомненна исконность "закрытых". Наряду с соответствием *vastos/ἄστεος* в греческом засвидетельствована форма ἄστός (*ἄστFός*) "горожанин", репрезентирующая архаический генитив с исконной окситонностью. В древнеиндийском архаические производные также отражают гистеродинамическое спряжение: наречие *kítvas* "раз" происходит из вин.п. мн.ч. незасвидетельствованного прилагательного **kítu* "единичный" (ср. наречие *sa-kít* "однажды"). Другие производные от суффикса **-tu-* также демонстрируют гистеродинамический тип: слав. *въ-твъ*, русск. *бу-тва*, *бру-тва*.

Как же соотносились протеро- и гистеродинамические имена? По мнению Э. Бенвениста [Бенвенист 1955], имена с закрытой флексией первичны, с открытой – морфологически производны. Е. Курилович [Курилович 1964] связывал эту оппозицию с категорией одушевленности неодушевленности. Имена среднего рода *páçu*, *mádhu*, *vásu* склоняются как гистеродинамические, соответственно м.р. *vásu*, *púça*, *mádhu* – как протеродинамические. Но Миллер на это с полным основанием возражает, что имя *páçu* относится к мужскому роду и не может поэтому считаться неодушевленным. Он же указывает на то, что чисто количественно протеродинамические формы сильно уступают в Ригведе гистеродинамическим: 6 *dyóḥ* – свыше 400 *diváh*, 13 *mádhoh* – 67 *mádhvah*, 8 *vásoḥ* – 38 *vásvah* (правильная цифра – 41). В этом заключается некоторый парадокс: "открытая" флексия в древнеиндийском явно преобладает. Но у имен, допускающих "открытые" и "закрытые" дублиеты, явно преобладают последние. Это может свидетельствовать именно о том, что продуктивный протеродинамический тип в основах на *-u-* вытеснял гистеродинамический. Заслуживает внимания и то, что между генитивами на *-vas* и *-os* можно наблюдать некоторые (пусть неявные, сугубо вероятностные) семантические различия. Первые проявляют тенденцию маркировать имена среднего рода. Так, по Грассману, из 67 форм *mádhvas* 51 относится либо к прилагательному ср.р. "сладкое", либо к существительному ср.р. "мёд"; из 41 *vásvas* 36 относится к имени ср.р. "добро, благо".

Оба типа Миллер с основанием относит к индоевропейским. Следует отметить своеобразное отражение форм **pékulpekú* в латыни. Имя среднего рода *pecus* (*pecoris*) "мелкий рогатый скот" должно было иметь генитив **pecvis*, но уподобилось сигматическим именам ср.р. типа *tempus* (*temporis*). Имя же женского рода *pecūs* (*pecūdis*) "крупный рогатый скот" образовало генитив путем расширения **pecūs* (<**pekéus*), по аналогии с именами ж.р. типа *palus* (*palūdis*). Латинские данные косвенно подтверждают версию Миллера: "закрытая" флексия тяготеет к среднему роду неодушевленными именами, "открытая" – к одушевленным именам.

Отвечая на вопрос о соотношении протеро- и гистеродинамических типов, Миллер высказывает чрезвычайно важное положение: в праиндоевропейском существовала особая основа имени типа **medhéu*, которая могла быть либо прилагательным, либо наречием. Нужно заметить, впрочем, что наречная функция у этих форм реально не наблюдается, так что они могли быть либо прилагательными, либо существительными. Существуют ли непосредственные отражения этой основы в зафиксированных языках? Очевидно, здесь можно указать на основы, образующие номинатив с дифтонгом *-ei-*, *-eu-*: хетт. *harnaus* "ложе родильницы", др.-перс. *dahyaus* "страна", авест. *aš-bāzaus* "сильноногий", *pərəsau-* "ребро" (вин.п. *pərəsaum*); греч. βασιλεύς "царь", χελεύς κισάρα (Hes.) "кифара, лира", также имена деятеля типа γονεύς "родитель", γραφεύς "писец", φονεύς "убийца; убийственный". Все эти имена следует разделить на две группы: производные имена и *nomina agentis*. Этимология хетт. *harnaus* неясна; авест. *ašbāzaus* соотносится с *bāzu-*, др.-инд. *bāhu* "рука", греч. πῆχυς "локоть". Эта форма репрезентирует основу косвенного падежа (ср. *bazu-*, однотипное с *xrauis* – род.п. *xrauis*; др.-инд. *bāhu* – *bāhoḥ*, греч. πῆχυς – πῆχυος), функционирует

же как адъектив; следовательно, формально и семантически она очень близка к восстановленной Миллером форме **medhús*. Др.-перс. *dahyauš* находится в таком же соотношении с др.-инд. *dasyu* "враг". На первый взгляд, связь понятий "враг" и "страна" кажется непонятной; но если предположить, что древнеиндийское имя означало сперва "чужой" (ср. однокоренное *dasa*¹⁵ "чужой"). Такая семантическая связь понятий "страна" и "чужой" можно считать семантической фреквенталией: русск. *стран-ный* (заимствовано из церковнославянского, где означает также "чужой, другой"), *сторонний*, *посторонний*, *сторониться*. Механизм образования этой фреквенталии вполне понятен: "страна" (как отдельная область) > "отдельная страна" > "чужая страна" (развитие значений могло идти и в обратном порядке). Наконец, греч. *χελύς* есть производное от *χέλυς* "черепаха", т.е. "черепаховый", изготовленный из панциря черепахи инструмент.

Таким образом, именам на *-*eu*- невозможно приписать некоторое априорное качество. Не все из них являются прилагательными или одушевленными. Так что придется прибегнуть к иным дефинициям. Те из них, которые соотносятся с именами на *-*u*-, могут быть названы производными, так как обозначают сущности, производные от именуемых основами на -*u*-. Имя *ašbāzauš* указывает на принадлежность к классу, образованному свойством, именуемым *bazu*; *dahyauš* называет свойство, связанное с **dahyu* (др.-инд. *dasyu*), *χελύς* – имя, производное от *χέλυς*. Выражение имени принадлежности к классу, подобия и производного имени – одна из важнейших функций ААП в словообразовании. Мы уже упоминали генитивы, перешедшие в номинативы (хетт. *tajazil* – *tajazilas*, также *çastul* "грех" – *çastulas* "грешник"); приведем еще несколько примеров: греч. *Fḗστῆ* "город" – *FḗστFός* "горожанин", *γόνυ* "колено (<"выпуклость")" – *γούλυς* "холм (<"выпуклый, подобный колену")", др.-инд. *iṣ* "жертвенное питье" – *iṣāh* "относящийся к жертвенному питью". Взаимоотношение **médhu* "мед" и *m,dhús* "медовый" формально и семантически близко к взаимоотношению **bhér,s* "носитель" (основной, постоянный признак); "ноша" и **bh,rélós* "несущий" (частный, ситуационный признак), а также генитив от предыдущего. Иными словами, протеродинамические основы обязаны своим появлением все той же аблаутно-акцентной парадигмы, которая разделяет корневые имена на баритонные (атематические) имена классов и постоянных признаков и окситонные тематические имена принадлежностей к классу и временных признаков.

Теперь сопоставим реконструированную основу с некоторыми из приведенных выше фактов. Ясно, что, поскольку она определяется как аппозитивная, то прежде всего она сохраняется в прилагательных. Это очевидно не только в древнеиндийском, но и в хеттском, ср. *genu* – *geniuas* "колено", но *assu* – *assauas* "хороший" (ср. [Lamberterie 1990: 47]; еще более показательны существительные и прилагательные на -*i*: в первых наличествует номинатив -*ai*-слабая основа -*ia*- (<*-*ói*-/*ió*-), *zahhais/zahhijas* "битва", *lingais/linkijas* "клятва", в прилагательных, наоборот, -*i*- представлено в прямых падежах, -*ia*- – в косвенных: *suppis/suppajas* "чистый", *sallis/sallajas* "большой". Имена типа *zahhais*, *lingais* заимствовали полногласие номинатива от гистеродинамических основ типа *tekan/tagnas* "земля", *laman/lanmas* "имя". Что же касается адъективов, то редукция основы в номинативе объясняется, по-видимому, аналогией с атематическими основами: *medhuós*: *médhu* = *medhús*: *medhús* > **medhús*: *medhús*. Окситонеза отличила эту новую производную основу от старой баритонной. Так объясняется номинатив прилагательных на *i*-, -*u*-. Вместе с тем можно отметить и важное различие существительных и прилагательных, образованных от древней аппозитивной производной основы на *-*éi*-/*éu*-: эта основа может сохраняться и в

¹⁵ Возможно, что тот же корень присутствует и в греч. *βοῦλος*, микен. *doero* < **doselos* "чужой" > "пленный; раб". Впрочем, сейчас многие ученые считают это имя заимствованным из какого-то неиндоевропейского языка [Frisk 1954, s.v. *βοῦλος*].

номинативе; процесс редукции субстантивных номинативов (*-*éu-s* → -*us*) охватил все существительные в древнеиндийском, но не затронул часть древнегреческих, также древнеперсидские, авестийские и хеттские имена.

Следует отметить, что одушевленные имена нередко оформляются как морфологически производные (*taiazil* – *taiazilas*, ἄστν - ἄστός). Женский род также образуется с помощью формантов производного имени: лат. *genitor* "родитель" – *genitrix* "родительница" (родовая оппозиция), но *mater* "мать" – *matrix* "кормилица" (первичное имя – производное имя, обозначающее подобие). Ср. с тем же суффиксом *-*iH-*: др.-инд. *vřkas* "волк" – *vřki* "волчица", греч. *λύκος* "волк", но *λύσσα* (<**λύκiα*) "бешенство (<"свойство волка")". Поэтому производная аппозитивная основа типа **medhēus* приняла участие в образовании имен женского рода *kadrū*, *agrū*, *jaiū*. Такое утверждение противоречит наличию у них гистеродинамических генитивов. Однако, как мы отметили, род.п. -*īvas* вторичен, о чем свидетельствует ударность и сохранение слогового качества сонанта; исконный генитив имел вид *-*uós* > -*vás*. Эти имена возникли из основы **medhēu-* путем стяжения второго слога (по аналогии с именами на -*u-*). Следом этого прототипа явилась их окситонность и фиксированность ударения в склонении.

В греческих же именах деятеля на *-*éu-* изменения основы в номинативе не произошло. Происхождение этих имен было предметом дискуссии. Я. Вакернагель [Wackernagel 1879] сравнивал их с др.-инд. суффиксом прилагательных на -*u-*, присоединившимся к тематической основе (*αcναυú* "любящий лошадей") К. Бругман [Brugmann 1900: 185] полагал, что они образованы от фреквентативных глаголов на *-*eio-*, подобно тому как ц.-слав. *ласкавъ* – от *ласкати*. Но нам удалось найти однокоренные глаголы на -*ew* только для двух имен: *φορεύς* "носильщик" – *φορέω* и *отроφεύς* "дверной крюк" – *отроφέω*. Для остальных 13 имен такой словообразовательной связи непосредственно найти не удастся. Нам представляется, что обзор форм на -*εύς* целесообразно начать с тех, которые не соотносимы с первичными глаголами. Это *ιερεύς* "священник" (*ιερός* "святой") и *ιππεύς* "всадник" (*ιππος* "лошадь"). Здесь совершенно очевидно, что мы имеем дело с производным именем, означающим "имеющий отношение к" (депотату, обозначенному как существительным, так и прилагательным). Такая интерпретация объясняет и отглагольные имена на -*εύς*. Их естественно связать с отглагольными именами типа *τόμος* - *τομός*: от этого корня имеем *τομεύς* "нож; отсекающий". Ср. также *δρομος* "бег" – *δρομεύς* "бегущий"; *φόνος* "убийство", *φονός* "убийственный" – *φονεύς* "убийца; губительный"; *πομπός* "сопровождающий" – *πομπεύς* "проводящий, спутник; участвующий в процессии"; *φόρος* "ноша", *φορός* "несущий; попутный ветер" – *φορεύς* "носильщик; вьючный". Ряд имен на -*εύς* функционируют не только как существительные, но и как прилагательные одного окончания. Это доказывает правильность нашего определения древней производной базы на *-*éu-*, лежащей в их основе.

Но у имен на -*εύς* и существительных на -*v-* есть важное отличие от прилагательных на -*v-*: анофония косвенных падежей. В первом случае гласный перед -*v-* удлиняется, во втором остается кратким: *ιερεύς* – *ιερῆος* (позднее *ιερέως*), но *ὄξυς* – *ὄξεος*. Судя по всему, долгота гласного должна была характеризовать и номинатив этих имен, ср. упоминавшееся авест. *ašbāzauš*. На наш взгляд, это объясняется аналогией с остальными атематическими именами, у которых в номинативе происходило удлинение гласного: **bhor-s* > *φάρ*, **dōtor-s* > *δάτάρ*, *δῶτωρ*, **dotér-s* > *δάτάρ*, *δοτήρ*. В ряду случаев продленная ступень вокализма обобщалась и в косвенных падежах: греч. *φάρος*, *δοτήρος*¹⁶.

¹⁶ У нас нет возможности сейчас рассмотреть проблему происхождения продленной ступени в именах в полном объеме. Укажем лишь на основополагающие работы [Streitberg 1894], где длительность гласного связывается с выпадением *-*s#* и заместительным удлинением; [Pisani 1932], где высказано предположение о психологических причинах удлинения.

Развитие основы * *medhéu* мы можем представить в виде следующей схемы:

→ // *-*tér* →

* *medhéus* (существительное, *nomén agentis*)

* *medhéu-*

→ // * *ród_s* →

×

* *medhús* (производное существительное, прилагательное)

(// – знак аттракции, × – дистракции; обе категории легко могут быть разъяснены в рамках концепции В.К. Журавлева [Журавлев 1991]: аттракция – усиление морфологической нейтрализации, дистракция – морфологической оппозиции)

Реконструкция основы типа * *medhéu-* хорошо соотносится с нашими наблюдениями над акростатическим склонением. В самом деле, чем оппозиция * *dom-idéms* отличается от * *médhu-/medhéus*? Только тем, что в первом случае вокальный элемент (в односложной основе) в безударном положении не редуцируется, а меняет качество, во втором, при наличии слогаобразующего сонанта – редуцируется. Таким образом, на основании изучения как акростатических, так и протеродинамических имен мы можем восстановить основу типа *R-éC* (*R* – корень). Она могла функционировать как аппозитивный и генитивный атрибут. Отсутствие синкопы безударной гласной у "акростатических" имен объясняется фонетическими условиями. Так, упоминавшееся авест. *hvarə*, род. п. *xvəng* (* *suols/suens*) могло быть образовано по аналогии. Индоевропейские соответствия этому корню демонстрируют ступень *e*: лат. *sol* < * *suel*, также др.-инд. *svar*. Несколько иная ступень корня представлена в греч. ἥλιος < * *sāuelios*, ср. хетт. ^D*UTU-liias* "бог солнца [Puhvel 1992]; в лит. *saũle*, лтп. *saule* наличествует бенвенистова основа I; слав. сльно-, гот. *sunno* репрезентируют 0 ступень как корня, так и суффикса. Таким образом, основа этого имени отличалась богатством (* *saúél/syéll/sul/sun*) вариаций, что делает допустимым предположение о возникновении формы * *suol-* > авест. *hvarə* в синтагматически безударной позиции. Др.-ирл. *ainm/anme*, как мы отмечали, относится скорее к протеродинамическим, чем к аристократическим именам: оно репрезентирует пракельт. * *anim/anme-ns* < и.-е. * *ənom₁/ən-méns*. В этой связи целесообразно сопоставить древнеирландское имя с древнепрусским. Здесь находим: номинатив *emmens* (*twais emmens* "твое имя" в I, 9, 15) и *emnes* (*twais emnes* в III, 47, 15), аккузатив *emnen* (*thou ny tur schan emnen twaise deiwas ny anterpisquan menentwey* (I, 5, 6) "ты не должен имя господя твоего без нужды упоминать"); ср. предложные конструкции *en emnen* "во имя" (II, 11, 15; III, 59, 15) и *sta emnan* (III, 27, 15). Делая поправку на известное несовершенство записи прусских текстов, отметим, что они дают основание предположить наличие двух вариантов: *emmens* (< * *en-mens* < * *ən-mén-s* и *emnes* < * *emnes* < * *ən-mn-és*. Показатель номинатива -*s* закономерно чередуется в парадигме с аккузативным -*n* (< *-*m*). Форма *emmens* пофонемно совпадает с ирландским генитивом *anme*. Но она функционирует как номинатив и восходит к неоднократно упоминавшейся нами аппозитивной основе. Вариант *emnes* есть, очевидно, гистеродинамический генитив от основы * *ənmén* или ее тематизация. Его семантическая оппозиция с атематической основой ослабела. Такой процесс хорошо известен, ср. лат. *termin*, греч. τέρμα, "граница, предел" = *terminus*. В чем состояла особенность семантики прусского *emmens/emnes* – трудно сказать из-за ограниченности контекстов (5 словоформ); кроме того, все связные прусские тексты суть переводные. Однако вполне очевидно, что морфологическая оппозиция, представленная в этих вариантах, достаточно архаична.

Обратим внимание и вот на что. Форма * *ən-m₁*/* *ən-méns* выступает как протеродинамическая. Образованное же с помощью родственного суффикса авест. *haxman* / род. п. *haxmāng* "потомство" трактуется уже как акростатическая форма. Но в чем состоит их различие? Только в том, что в форме * *ən-m₁* суффикс находится в 0

ступени корневого вокализма. Эта особенность связана не с фонологической или акцентологической характеристикой суффикса, а исключительно с его морфологической функцией: вариант *-*nīl*- маркирует имена среднего рода (неодушевленные), а *-*monl-men* – имена мужского рода (одушевленные). Таким образом, различие между акростатическим и протеродинамическим типом обусловлено не тоновой характеристикой слога и морфемы, а сложным комплексом морфосемантических функций акцента.

Архаизмом является и качество гласного перед флексией номинатива, наблюдаемое в прусс. *emnex*. Степень *e* тематического гласного находит параллель в др.-инд. прилагательных типа *gucá, bhujá*. Кроме того, ее следы обнаруживаются в латыни. Г. Надь [Nagy1970, ch. I] обратил внимание на то, что ряд прилагательных содержит морфему *-es-*, стоящую непосредственно перед адъективным суффиксом: *modus – modes-tus, ager – agres-tis, domus – domes-ticus*. Особенно показателен дериват от *honos* "честь" – *honestus* "почтенный". Имя *honos* склоняется с сохранением ступени *o* в косвенных падежах (род. п. *honoris*); однако эта парадигма сигматических имен в латыни явно менее архаична, чем склонение с чередованием гласных. Ср. *tempus/temporis*, но древняя производная основа сохранялась в *temperare, tempestas*. Сама же сигматическая основа, по мнению Нады, есть не что иное, как распространение флексии номинатива на всю основу. В этом отношении показателен дублет: *pondus* "вес", род. п. *ponderis*, но в архаической латыни встретилась форма аблатива *pondo* (XII Tab., III, 3), предполагающая тематическую основу *pondus – *pondi* [Nagy 1970: 113]. К этому можно прибавить еще несколько примеров обобщенной флексии номинатива: им. п. *vis* "сила", аккузатив *vi* – множественное число *vires < *vises*; номинатив *spes* – производный глагол *spero < *spesai-o* "я надеюсь". Надь полагает, что между суффиксом *-es-* и флексией номинатива *-s* отсутствует семантическая оппозиция. На латинской почве это справедливо; насколько такое состояние допустимо экстраполировать в праязык – вопрос спорный. Но в целом наблюдение Г. Нады (которое я бы назвал открытием) позволяет реконструировать особый класс имен в латыни. В самом деле, если *ager* "поле", *agrestis* – "полевой", resp. *modus* "мера", *modestus* – "умеренный", и в основе прилагательных лежат имена **agres, *modes*, то можно попытаться определить и их грамматико-семантические характеристики. Понятна условность таких попыток: оппозиция между различными разрядами имен могут нейтрализоваться (в чем можно убедиться и по материалам нашей работы), но процедура системной реконструкции требует нахождения для каждого морфемного комплекса присущего только ему значения. Можно предположить, что имя **agres* (< праиталийск. **agrés*) отличалось и от имени неодушевленного предмета *ager*, и от адъектива *agrestis* тем, что обозначало не отдельный признак, а некоторое качество одушевленного лица: "полевой житель", соответственно в основе *domesticus* лежит имя **domes, honestus – *hones*, которое можно определить примерно так же.

Такая реконструкция находит подтверждение в наблюдаемых языковых фактах. В латыни есть небольшая класс имен, образованных от существительных, обозначающих деятеля, лицо, имеющее отношение к предмету, и маркированных суффиксом *-es*, род. п. *-itis*. К примеру: *pes* "нога" – *pedes* "пешеход", *equus* "лошадь" – *eques* "всадник". Показательно, что именно от таких существительных образуются адъективы: *pedes-ter* "пеший", *eques-ter* "конный". Своей морфологической структурой и функциональной ролью эти субстантивы близки к реконструированным на *-es*. Что же касается морфемы **-t-*, то она иногда может выступать как субститут **-s-*: греч. γέλως (< *γέλα-ος, ср. глагол γελάω < *γελάσω, причастие γελαστός) – генитив γέλωτος, ἔρως (*ερα-ος, ср. ερω < *ερασω, имя деятеля εραστής) – ἔρωτος; совершенное причастие λελυκός – λελυκότος. Об исконности *-s-* свидетельствует др.-инд. *vidvān* "знающий" – род. п. *viduśás*. Однако форма среднего рода *vidvat* как будто свидетельствует о том, что оба варианта причастного суффикса – **uos-* и **-uot-* – могут быть экстраполированы в праязык.

Если предложенное сопоставление верно, то можно говорить о существовании класса *nomina conspeta* с суффиксом *-és-/*-ét-. В древнегреческом этот словообразовательный тип был продуктивным. Большинство имен, образованных с его помощью, образовано от глаголов, но связь с корневыми глагольными именами тоже бесспорна: *υόος* "крик" – *υοής*¹⁷ "колдун; обманщик"; *υόνος* "рождение" – *έτερο-γυής* "принадлежащий к чужому роду" (параллельно с сигматическим *έτερο-γείνης*); *πλάνος* "блуждание, отклонение" – *πλανής* "бродяга"; *φορβόν* "пища" – *φορβήτες* *ιομείς* (Hes.) "пастухи". Этот тип имен образован тем же грамматическим способом, что и рассмотренная выше основа **medhéu-*: передвижением акцента на гласный, предшествующий последнему консонанту основы. Таким образом, мы можем утверждать, что образование этих форм ничем принципиально не отличается от типа *φώρ* – *φορός*. Передвижение акцента в именных основах образует имена, которые условно можно назвать конкретными, а для более их точной характеристики целесообразно прибегнуть к уже упоминавшемуся нами ряду сем: абстрактные имена/имена действия/имена результата/имена деятеля/аппозиции/адъективы. Имя со сдвинутым вправо ударением стремится в правую часть этого списка. Такая закономерность была нами прослежена на материале древнеиндийских и древнегреческих имен типа *φορός*, *σκοπός* [Krasuchin 1996]; она может наблюдаться и в более широком классе имен, характеризующихся сдвигом акцента.

Суффикс (é)s- оказался идентичен флексии номинатива. На основании аргументов Г. Нады мы можем полагать, что они имеют общее происхождение. Семантика аффикса *-s давно уже была определена как выражение единичности предмета [Lehmann 1958; Erhart 1967]. Надо сказать, что сигматические имена на *-os/*-es- в общем отвечают этой характеристике. Так, имя *γένος* = лат. *genus* = др.-инд. *jānas* в отличие от *υόνος* "рождение" обозначает нечто предметное и компактное. Такая определенность значения, по-видимому, способствовала тому, что и в греческом, и в латыни это имя превратилось в научный термин. Таким образом, словоформа, оканчивающаяся на *-és#, могла развиваться двояко: ауслат мог обобщиться и выступать как показатель основы, и в этом случае формировалось сигматическое склонение; ауслат номинативной формы мог чередоваться с другими флексиями, ложась в основу тематического склонения. При этом некоторые флексии тематического спряжения демонстрируют явную близость к иному типу: **genes-ōs* – **ulk^uos-io*. Первый генитив образован присоединением стандартной генитивной флексии к сигматической основе, второй – формантом местоименного происхождения, присоединившемся к номинативу [Knobloch 1951]. В обоих случаях собственно сигматическая основа остается неизменной. Не углубляясь во все вопросы, связанные с реконструкцией индоевропейского склонения, отметим, что сигматическая форма, таким образом, характеризуется теми же базовыми чертами, что и многое реконструированные единицы: они могут принадлежать к различным грамматическим категориям. Окситонное имя функционирует как номинатив и генитив баритонного; сигматическая словоформа – как номинатив сигматического и асигматического имени. В предыстории слова может меняться его формальная и основная (в фортунатовском смысле слова) принадлежность [Фортунатов 1956]; примеры подобной эволюции слова см. в [Hoenigswald 1960: 45–8]. Это явление требует дальнейших исследований.

5. Для исторической акцентологии большое значение имеет и исследование передвижений ударения в многосложной основе. В лингвистике давно рассматривалось понятие *Schwebeablaut* (подвижный аблаут) [Anttila 1969]; именно на нём основана и теория корня Э. Бенвениста [1955], различающая состояние I (CVCC) и II (CCVC). Эта теория подвергалась критике за ее статичность [Макаев 1970]. Но следует заметить, что независимо от Бенвениста сходную теорию предложил и Ф. Кёйпер [Kuiper 1937]. С его точки зрения, присоединение аффикса к корню происходило следующим образом: корень *CVC-* + аффикс *VC* → новая структура *CCVC*, которая

¹⁷ Все приводимые формы имеют в косвенных падежах основу -γτ-.

затем по аналогии могла изменяться в CVCC. Г. Надь развил идею динамического корня следующим образом: к структуре CVCC мог присоединяться новый аффикс €С (€ – любой гласный), так что образовывалась новая структура CCC€С, которая получает наименование состояния II₂. Соответственно структура CC€CC, возникшая по аналогии, именуется состоянием I₂. Следовательно, динамика корней приводит к формированию структур П_н (с аусласом – €С-) и I_н (–€СС-). Этот процесс Надь [Nagy 1970: 117–8] иллюстрирует на примере корня с первичным набором согласных *dr: I (исходный вариант) *dér + *éu → *dréu- (состояние II₁, вед. dró-h "дерева"); состояние I₁ *dérui- (вед. dâru, греч. dōru, о.-слав. *dervo, хетт. taru, лит. dervà "смола"). Путем наращения аффикса от основы П₁ может быть образована основа I₂ *dfeu-s. Именно такая форма (с обобщением -eu в склонении) в данном словообразовательном гнезде не зафиксирована, но др.-перс. dahyaus, авест. ašbāzauš, греч. χελεύς относятся к состоянию I₂. Далее образуется новая основа II₂ *dru(u)-ós: греч. генитив δρυός, обще-слав. *drъvo (русск. дрова), авест. drvaena "деревянный", от нее – П₃ *drun-os: вед. генитив druṇáh; с тем же детерминативом – вариант I₂ *dréu-n: др.-инд. dróṇah (< *dréunos) "дерево (материал), деревянная бочка".

С помощью таких несложных операций удается описать целые словообразовательные ряды для того этапа индоевропейского языкового состояния, когда словообразование омушествовалось благодаря детерминативам. Здесь, впрочем, мы должны сделать существенную оговорку. Отличие детерминатива от словообразовательного суффикса и словоизменительного форманта, как его понимал основатель учения о детерминативе П. Перссон [Persson 1899], заключается в том, что детерминатив не придавал корню какого-то особого дополнительного значения. Но такая точка зрения на детерминатив, по-видимому, экстраполирует данные засвидетельствованных языков на праиндоевропейский. В живых языках корни с детерминативами действительно могут не различаться по значению друг от друга. В чем различие, например, греч. ἄξων "ось" и лат. axis "то же"? Но фронтальное обследование детерминативов позволяет все же выявить следы их грамматических значений. Так, Ф. Кёйпер [Kuiper 1937: 17–19] полагал, что в составе глагольного корня детерминатив *-s- обозначал завершенность и/или интенсивность действия, а *-m- – его длительность. Таким образом, различие между суффиксом и детерминативом состоит не в том, что последний обязательно асемантичен. Суффикс в отличие от детерминатива переводит слово в иной грамматический класс, т.е. сообщает ему свойственные именно для этого класса формальные показатели и синтаксические валентности. Вполне возможно, что детерминативы тоже обладали такими же свойствами, т.е. были полноценными суффиксами, но затем утратили свое специфическое значение. Как было показано выше, для них оказывается существенным значение не столько отдельных элементов, сколько их акцентуация. Ср. различия имен на *'-u и *'-éu. Поэтому закономерен вопрос: какие существуют различия между состояниями I и II корня? В некоторых корнях семантические различия не прослеживаются: вед. vivakti "говорить" значит то же, что авест. aok- (*cek^u-/*euk^u-); ср. также греч. εἶπον < *éfeup-. Соответственно, греч. σκελετός "сухой" синонимичен σκληρός; суффиксы могут присоединяться к корню в обоих состояниях: греч. γένεσις (< *genə-)/τιμήσις (< *tmeə). Поэтому мы можем выделить два типа отношений между состояниями корня. 1. Равнозначность (примеры выше). 2. Неравнозначность: др.-инд. páriman – греч. πλήρης, лат. plēnus (*pelə/*pleə-); первое имя абстрактно, второе конкретно. Аналогично соотносятся греч. γένεσις "рождение" – γνήσιος "родственный", σκέλος "бедро, голень" – σκληρός "твердый, сухой". Имена в состоянии II стремятся в правый край нашего списка имен, а в состоянии I – в левый. В глаголах заслуживают внимания варианты *genə/*gnə. Первый из них означает "рождать", второй получает специфическое значение "знать" (греч. γινώσκω, аор. ἔγνων, др.-инд. аор. djnášit, лат. nosco). Как показывает близкий по семантике корень *ueid-luid-, значение "знать" отличается от иных, выражаемых

данным корнем, направленностью на внутреннее состояние субъекта и выражается перфектным, т.е. восходящим к окситонному, вариантом (греч. *oída*, др.-инд. *véda*). Таким образом, корень * *gnoa-* оказывается близким к окситонному (с ударным вокальным ауслатом). Другой пример – греческие дериваты от корня * *tela/* tla/*tlea*. Этот корень в значительной мере дефектен. От него образуется только аорист *tálaσσαι/τλήναι* и перфект с основой *tétla-*. Какой-либо дифференциации в значении между сигматическим и корневым аористом не наблюдается. Но некоторые производные формы (*ταλασία* "пряжа", *τελάμων* "перевязь") наводят на мысль о том, что корень * *tela* мог означать "нести, тащить", а его вариант * *tleá* – "сносить, претерпевать" (*τλήμων* "несчастный"). Оппозиция I и II состояний глагольного корня реализуется в плане содержания как оппозиция внешнего действия и внутреннего состояния, она оказывается изоморфной оппозиции атематического и окситонного глагола типа др.-инд. *dógdhi* "(человек) доит" и *duhé* "(корова) доится, дает молоко" [Krasuchin 1996; Krasukhin 1998]. Но в глаголе перенос ударения на детерминатив оказался связан не столько с диатезными, сколько с аспектно-временными категориями [Erhart 1975; 1989], поэтому примеры диатезной оппозиции у корней типа *CVC/CCVC* редки.

В именах же передвижение акцента не на абсолютный ауслат, а просто вправо создает оппозиции, аналогичные типу *tómos – tomós*. Они не столь грамматически регулярны, потому что инлаут основы не связан с грамматическими показателями так тесно, как ауслат. Однако полученных данных достаточно для следующего утверждения. Передвижение акцента вправо имело строго определенное значение, описанное в концепции аблаутно-акцентной парадигмы. Именно поэтому все известные примеры акростатического и протеродинамического спряжения по сути образованы одним и тем же грамматическим способом: передвижением акцента вправо (или как вариант – ударностью / безударностью односложного имени).

7. Данный грамматический способ отчасти сохранял свое значение и в период ослабления силовой компоненты индоевропейского акцента. В это время получили широкое распространение словоформы, имеющие в своем составе более одного гласного. В раннеиндоевропейском они появлялись благодаря формуле *SWŚWS*; однако эта формула имеет исключений не меньше, чем правил, так как вокализм корня и аффиксов менялся под воздействием аналогии. Напротив, в позднеиндоевропейском множественность гласных в слове обуславливалась его сложной структурой – наличием корня и суффиксов. В этот период безударные гласные не синкопировались, а теряли лишь некоторые различительные черты – переднерядность или напряженность¹⁸. Так сформировалась оппозиция типа * *génos – genés*. Качественный и количественный аблаут суффикса стал важным средством его грамматической характеристики. Общие правила здесь таковы: суффикс в полной степени обозначает имя деятеля; он же с тематической гласной – пассивное или модальное прилагательное. Соответственно, суффикс в 0 степени маркирует имя действия. Степень *o* у полнозначных суффиксов маркирует абстрактные имена, степень *e* – конкретные имена и/или основу косвенного падежа. По такой модели построены варианты суффиксов **-men*: *nomina agentis* – греч. *ἡγεμών* "вождь", *πομπήν* "пастух", *nomina actionis* – греч. *πλήρωμα* "полнота", лат. *flumen* "река" (< "течение"), ставящее прилагательное – медиопассивное причастие на **-meno/-mno-*: греч. *-μενος*, др.-инд. *-māna*, также лат. *alu-mnus* "питомец", оппозиция **-mon/*-men* – упоминавшиеся авест. *haxman/haxmang*, лит. *akmuõ/jakmeñs*; **-ter*: *nomina agentis* – общий и абстрактный деятель – др.-инд. *dātār*, греч. *δάτωρ* (вариант **-tor*), сиюминутный и конкретный – др.-инд. *dātār*, греч. *δοτήρ*; *nomina actionis* – **-trom*: др.-инд. *patrá* "чаша" (*pibati* "пить"), греч. *λέκτρον* (*λεχ* – "лежать"), лат. *spectrum* "взгляд" (*specio* "глядеть"). В хеттском имеется суффикс *nominum actionis -tar*: *lahhijatar* "поход" (*lahhija-* "отправлять"). Тот же суффикс образует и имена от прилагательных:

¹⁸ Как отмечалось, переход *e* в *o* в безударном положении мог происходить и в раннеиндоевропейском в условиях, неблагоприятных для синкопы.

idalayatar "злость" (*idalu* "плохой, злой"). В склонении он образует гетероклизу: *papratar* "осквернение" – род. п. *papranas*, *lahhijatar* – датив *lahhijanni*. Суффикс *-ann-* < **-otn-* имеет слабую ступень вокализма; он представлен также в инфинитиве типа *aku-anna* "пить", *kun-anna* "убить" (чистая тематизированная основа). Эти инфинитивы имеют модально-эвентуальное значение [Фридрих 1952: 145; ср. Красухин 1996]. Полная ступень обнаруживается в литовских пассивных прилагательных долженствования: *dūrbtinas* "должный быть сделанным" (*dūrbti* "делать").

8. Таким образом, наличие протеродинамических презенсов, акростатических и протеродинамических косвенных падежей не противоречат правилам ААП. Все эти явления подчиняются единому правилу, которое мы можем назвать законом акцентного сдвига вправо. Этот сдвиг формировал слово, производное с формальной, грамматической и семантической точки зрения. Действие этого закона можно представить в следующей таблице:

Стандартное склонение	Акростатическое склонение		Протеродинамическое склонение	
	1-сложное имя	многосложное	адъективы	субстантивы
* <i>péd-s</i>	* <i>pətrós dom</i>	* <i>ák-mon,</i> * <i>génos</i>	* <i>medhú-s</i>	* <i>medheu-s</i>
* <i>podé-s</i>	* <i>déms potis</i>	* <i>akmén-s,</i> * <i>genés</i>	* <i>medhéu-s</i>	* <i>medhéu-s</i>

(в верхних строках "сильные" формы, в нижнем – "слабые").

В заключение мы должны с сожалением отметить, что несвоевременная публикация фундаментальных работ способна существенно задержать развитие науки. Пока что не издана и практически недоступна диссертация Й. Шиндлера – по крайней мере для тех, кому не предоставилась возможность посетить Вюрцбургский университет (я сужу о ней по заметке А. Баммесбергера [Bammesberger 1996]). Хотя значительный материал представлен в многочисленных статьях Шиндлера, но, будучи собран в монографии, он, конечно, значительно бы выиграл в наглядности. Еще меньше повезло диссертации Д.Г. Миллера. Хотя ее автор – очень деятельный лингвист, написавший много содержательных работ, в его известных мне публикациях вопросы индоевропейской морфонологии не рассматривались. По счастью, я получил возможность ознакомиться с этой диссертацией в библиотеке Лингвистического департамента Гарвардского университета. Думаю, что, появившись обе работы своевременно, они бы немало способствовали прогрессу индоевропейского языкознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бадер Ф. 1988 – Флексии сигматического аориста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 21: Новое в современной индоевропеистике. М., 1988.
- Барроу Т. 1976 – Санскрит. М., 1976.
- Бенвенист Э. 1955 – Индоевропейское именное словообразование. М., 1955.
- Герценберг Л.Г. 1981 – Опыт реконструкции индоевропейской просодии. Л., 1981.
- Герценберг Л.Г. 1989 – Ближайшие перспективы индоевропеистики // Актуальные вопросы сравнительного языкознания. Л., 1989.
- Герценберг Л.Г. 1989а – Проблемы акцентологической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Реконструкция на отдельных уровнях языковой структуры. М., 1989.
- Журавлев В.К. 1991 – Диахроническая морфология. М., 1991.
- Зализняк А.А. 1987 – Краткий грамматический очерк санскрита // Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь. М., 1987.
- Иванов Вяч.Вс. 1965 – Индоевропейская, анатолийская и праславянская языковые системы. М., 1965.

- Красухин К.Г.* 1989 – Значение оппозиции тематических и атематических глагольных основ для индоевропейской реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Реконструкция на отдельных уровнях языковой структуры. М., 1989.
- Красухин К.Г.* 1990 – Некоторые проблемы реконструкции индоевропейского синтаксиса (в связи с выходом книги Ю.С. Степанова "Индоевропейское предложение") // ВЯ. 1990. № 6.
- Красухин К.Г.* 1996 – Система индоевропейских инфинитивов и связанных с ними отглагольных имен // Вестник Московского университета. Сер. 9 "Филология". 1996. № 6.
- Макаев Э.А.* 1970 – Структура слова в индоевропейских и германских языках. М., 1970.
- Миттельбергер Г.* 1980 – Генитив и адъектив в анатолийских языках // Древние языки Малой Азии. М., 1980.
- ППС 1986 – Предметно-понятийный словарь греческого языка: Крито-микенский период. Л., 1986.
- Семереньи О.* 1980 – Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.
- Фартунатов Ф.Ф.* 1956 – Сравнительное языковедение. Т. 1. М., 1956.
- Фридрих И.* 1952 – Краткая грамматика хеттского языка. М., 1952.
- Широков О.С.* 1983 – История греческого языка. М., 1983.
- Anttila R.* 1969 – *Schwebeablaut*. N.Y.; L., 1969.
- Bader F.* 1965 – *Les composés grecs du type DEMIOURGOS*. Paris, 1965.
- Bader F.* 1976 – *Le présent du verbe être en indo-européen* // BSLP. 1976. V. 71.
- Bader F.* 1977 – *Emplois récessifs d'un suffixe indo-européen *-tu* // BSLP. 1977. V. 72.
- Bammesberger A.* 1996 – New publications: Recent Work on Proto-Germanic // UCLA Friends and Alumni of Indo-European studies newsletter. Jan.-Feb., 1996.
- Beekes R.S.P.* 1985 – *The origins of Indo-European nominal inflection*. Innsbruck, 1985.
- Beekes R.S.P.* 1995 – *Introduction in the historical and comparative linguistics*. Amsterdam; Philadelphia, 1995.
- Benveniste E.* 1948 – *Noms d'agent et noms d'action en indo-européen*. Paris, 1948.
- Borgström C.* 1949 – *Thought about Indo-European vowel-gradation* // NTS. V. 15. 1949.
- Brugmann K.* 1900 – *Griechische Grammatik*. Leipzig, 1900.
- Brugmann K.* 1922 – *Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen*. Leipzig, 1922.
- Chadwick J., Baumbach L.* 1963 – *The Mycenaean Greek vocabulary* // Glotta, 1963. Bd. 41.
- Chantraine P.* 1974 – *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. V. III. Paris, 1974.
- Delbrück B.* 1893 – *Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen*. Halle/Saale, 1893.
- Eichner H.* 1973 – *Die Etymologie von hethitischen mehur* // MSS. 1973. Hf. 31.
- Erhart A.* 1967 – *Zur indoeuropäischen Nominalflexion* // Sborník praci filosofické fakulty Brněnské University. A 7. 1967.
- Erhart A.* 1975 – *Der indoeuropäische Akzent und seine Funktion* // Sborník filosofické fakulty Brněnské University. A 13. 1975.
- Erhart A.* 1989 – *Das indoeuropäische Verbalsystem*. Brno, 1989.
- Frisk H.* 1954 – *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1954. Bd. 1.
- Fulk R.* 1986 – *The origins of Indo-European quantitative Ablaut*. Innsbruck, 1986.
- Georgiev V.I.* 1975 – *Zur Entstehung der indoeuropäischen Verbalkategorien* // Linguistique balcanique. 1975. V. 18.
- Hirt H.* 1900 – *Der indogermanische Ablaut mit seiner besonderen Beziehung zum Akzent*. Straßburg, 1900.
- Hock W.* 1993-1994 – *Der indogermanische Flexionsakzent und die morphologische Akzentkonzeption* // MSS. 1993-4. Hf. 54.
- Hoenigswald H.* 1960 – *Language change and linguistic reconstruction*. Chicago, 1960.
- Inslar S.* 1968 – *Sanskrit ipsāti and irtsāti* // IF. 1968. Bd. 73.
- Inslar S.* 1972 – *On proterodynamic root inflection* // MSS. 1972. Hf. 30.
- Jasanoff J.* 1992 – *Morphological reconstruction: The role of o-grade in Hittite and Tocharian nominal inflection* // *Reconstructing languages and cultures*. Berlin; New York, 1992.
- Knobloch J.* 1950 – *Zur Vorgeschichte des indogermanischen Genitivs des o-Stammes auf sjo* // Sprache. 1950. Bd. 2.
- Krasuchin K.G.* 1996 – *Studien zur Beziehungen zwischen indoeuropäischen Verben und Nomina* // IF. 1996. Bd. 101.
- Krasuchin K.G.* 1997 – *Vollstufe versus Schwundstufe im indoeuropäischen Verbalsystem* // *The XIII International Conference on Historical Linguistics*. Düsseldorf, 1997.
- Krasuchin K.G.* 1998 – *The indo-European Root *dheugh-: Morphology, meaning, etymology (with the comparison to the similar forms)* // JIES. 1988. V. 26.
- Kuiper F.B.J.* 1934 – *Zur Geschichte der indo-iranischen s-Präsentia* // *Acta orientalia*, 1934. V. 12.
- Kuiper F.B.J.* 1937 – *Die indogermanische Nasalpräsentia*. Amsterdam, 1937.
- Kuiper F.B.J.* 1942 – *Notes on the Vedic noun inflection* // *Meddelingen van Konigsten Netherland Akademie*. 1942. V. 5.

- Kurylowicz J.* 1956 – L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956.
- Kurylowicz J.* 1964 – The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964.
- Lamberterie Ch. de* 1990 – Les adjectifs grecs en-ús. Louvaine-la-Neuve, 1990.
- Lehmann W.P.* 1958 – On earlier stages of the Indo-European nominal inflection // *Language*. 1958. V. 34.
- Macdonnell A.A.* 1916 – Vedic grammar for students. Oxford, 1916.
- Manczak W.* 1960 – Origines de l'apophonie *elo* en indo-européen // *Lingua*. 1960. V. 9.
- Miller D.G.* 1969 – Studies in the forms of genitive singular in Indo-European: Dissertation Ph.D., Harvard University. Cambridge (MASS), 1969.
- Nagy G.* 1970 – Greek Dialects as the transformation of an Indo-European process. Cambridge (MASS), 1970.
- Narten J.* 1968 – Zum proterodynamischen Wurzelpräsens // *Pratidanam: Studies to honour F.B.J. Kuiper*. Hague, 1968.
- Oettinger N.* 1979 – Die Stammbildung des hethitischen Verbums. Nürnberg, 1979.
- Pedersen H.* 1926 – La cinquième déclinaison latine. København, 1926.
- Persson P.* 1899 – Beiträge zur indogermanischen Wortbildung. Uppsala, 1899.
- Pisani V.* 1932 – Le allungamento indo-europeo // *Revista italiana greco-latina*. 1932. V. 6.
- Putvel J.* 1992 – Philology and etymology, primarily in Anatolian // *Reconstructing languages and cultures*. B.: N.Y., 1992.
- Pulleublanç E.G.* 1965 – The Indo-European vowel system and qualitative ablaut // *Word*, 1965. V. 21.
- Rikov G.T.* 1986 – The Indo-European *ex*-conjugation and the origin of proterodynamic verb inflection // *Linguistique balkanique*. B., 1986. V. 29.
- Rikov G.T.* 1987 – The origin of Proto-Indo-European proterodynamic verb // *Proceedings of the XIV World congress of linguists*. B., 1987.
- Rix H.* 1976 – Historische Grammatik der griechischen Sprache. Darmstadt, 1976.
- Schindler J.* 1967 – Zum hethitischen *nekuz* // *KZ*. 1967. Bd. 81.
- Schindler J.* 1972 – L'apophonie des noms-racines indo-européens // *BSLP*. 1972. V. 67.
- Schindler J.* 1975 – L'apophonie des thèmes indo-européens *-ri-n* // *BSLP*. 1975. V. 70.
- Schmalstieg W.* 1980 – The Indo-European linguistics: A new synthesis. University Park. 1980.
- Streitherg W.* 1984 – Die Entstehung der Dehnstufe // *IF*. 1894. Bd. 3.
- Tanaka T.* 1997 – Remarks on the Germanic copula: A Reconsideration of PIE * *es-* and * *wes-* // *The XIII International conference of historical linguistics*. Düsseldorf, 1997.
- Wackernagel J.* 1879 – Gr. *τινευ* – skr. *asvayo* // *KZ*. 1879. Bd. 24.
- Wackernagel J.* 1916 – Studien zum griechischen Perfektum. Heidelberg, 1916.
- Watkins C.* 1965 – Latin *nox* 'by night': A problem in syntactic reconstruction // *Symbolae grammaticae in honorem Georgii Kurulowiczii*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1965.
- Whitney W.D.* 1885 – Die Wurzel, Verbalformen und primären Stämme der Sanskrit-Sprache. Leipzig, 1885.